



СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2024

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Российский гос. университет правосудия);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Академия управления МВД России);

Т. Б. Рамзанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);

О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, доктор юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Е. С. Котлярова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 9,1. Усл. п. л. 9,5 Тираж 100 экз. Заказ 419 Дата выхода в свет 16.09.2024
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2024
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2024



JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 • 2024

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor, vice editor
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russian);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, doctor of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2024
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2024

СОДЕРЖАНИЕ

7 НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ – КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета:
история и современность 8

32 НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Александров А. И. Суд на «рассуд» или «осуд»: размышления о векторах
развития правосудия по уголовным делам в современной России 32

Кириллова Н. П. Научные взгляды профессора П. С. Элькин
на дифференциацию уголовно-процессуальной формы и современность 39

Стойко Н. Г. Преюдициальная сила иностранных арбитражей и российских
арбитражных судов применительно к производству по уголовным делам 46

Назаров А. Д. Перспективное развитие уголовно-процессуального механизма
устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса
через баланс судебной, прокурорской и следственной властей 50

Александров Р. А. Домашний арест и запрет определенных действий
как альтернатива заключению под стражу в уголовном процессе
Российской Федерации: сходства, различия и проблемы правоприменения 58

Новиков С. А. Элементы допроса при производстве иных следственных
действий: возможность применения и доказательственное значение 64

Ватутина О. Ю. Формы участия специалиста
в уголовно-процессуальном доказывании 71

Губаева А. К., Сидорова Н. А. Комплексная защита прав потерпевших
от преступлений в контексте взаимосвязи публично-правовых
и частноправовых начал (актуальные проблемы) 77

Кушниренко С. П., Пристансков В. Д. К вопросу о концепции
криминалистического познания и исследования события преступления 89

Тузов А. Г. Проверочные производства в уголовном судопроизводстве
Чешской Республики: общая характеристика 96

Захаренкова В. В. Роль Российской Духовной Миссии в изучении
источников права Китая 102

CONTENTS

7SCIENTIFIC SCHOOLS OF RUSSIA. THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY: HISTORY AND MODERNITY Department of criminal procedure and criminalistics Saint Petersburg State University: History and Modernity	8
32 RESEARCHES OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY <i>Alexandrov A. I.</i> Trial to judge or to convict: reflections on the vectors of criminal justice development in modern Russia..... <i>Kirillova N. P.</i> The scholarly view of professor P. S. Elkind on the differentiation of the criminal procedural form and modernity	32 39
	<i>Stoiko N. G.</i> The prejudicial force of foreign arbitrations and Russian arbitration courts in relation to criminal proceedings	46
	<i>Nazarov A. D.</i> Promising development of the criminal procedure mechanism for eliminating investigative errors at the pre-trial stages of the criminal process through the balance of judicial, prosecutorial and investigative authorities.....	50
	<i>Alexandrov R. A.</i> Home detention and prohibition of certain actions as an alternative to detention in criminal proceedings in the Russian Federation: similarities, differences and problems of law enforcement	58
	<i>Novikov S. A.</i> Elements of interrogation in the production of other investigative actions: the possibility of application and evidentiary value	64
	<i>Vatutina O. Yu.</i> Forms of participation of a specialist In criminal procedural proof	71
	<i>Gubaeva A. K., Sidorova N. A.</i> Comprehensive protection of the rights of victims of crimes in the context of the relationship between public law and private law principles (topical issues).....	77
	<i>Kushnirenko S. P., Pristanskov V. D.</i> On the question about the concept of forensic cognition and crime event studies.....	89
	<i>Tuzov A. G.</i> Revision of the final decisions in a criminal proceeding of the Czech Republic	96
	<i>Zakharenkova V. V.</i> The role of the Russian Ecclesiastical Mission in the study of the sources of Chinese Law.....	102



НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ –
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА



КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY:
HISTORY AND MODERNITY

2024 год для Санкт-Петербургского государственного университета является юбилейным – исполняется 300 лет старейшему университету страны, учрежденному императорским Указом от 28 января (8 февраля) 1724 года как «собрания ученых людей, которые наукам высоким, яко Теологии и Юриспруденции (Прав искусству), Медицины и Философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают».

К середине XIX века на юридическом факультете Императорского университета сложилась научная уголовно-процессуальная школа, представляемая столпами юридической науки и практики своего времени, чьи имена и труды вошли в золотой фонд юриспруденции. Преподавание уголовного судопроизводства велось на нескольких кафедрах: российского гражданского и уголовного права и судопроизводства (1819–1835), уголовного права и гражданского судопроизводства (1863–1884), уголовного права и судопроизводства (1884–1917), законов полицейских и уголовных (1835–1863), полицейского права (1863–1917)¹.

В 1835 году ординарным профессором по кафедре русских уголовных и полицейских законов, а затем и деканом юридического факультета Санкт-Петербургского университета был назначен Яков Иванович Баршев (1807–1894). Он был одним из первых, защитивших диссертацию на юридическом факультете в 1835 году. Для диссертационного исследования им была выбрана тема «Догматико-критическое изложение так называемых уголовных теорий». Сферой научных интересов Якова Ивановича являлись уголовное право и уголовное судопроизводство, но наряду с этим им внесен значительный вклад в исследования науковедческих проблем правовой науки, одним из первых он обобщил опыт деятельности императора Николая I и



Я. И. Баршев

¹ См.: Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сосницкий Д. А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917) : опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 14. Вып. 4. С. 115.

Второго отделения Е. И. В. Канцелярии по формированию в России контингента русских специалистов, способных вести на высоком научном уровне исследования в области права и читать лекции студентам юридических вузов. В 1841 году доктор права Я. И. Баршев издал фундаментальный труд «Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству», в котором не только изложил основы российского уголовного судопроизводства, но и сформулировал важные тактические рекомендации по производству ряда следственных действий: «осмотру трупа», «повальному обыску», «личному осмотру преступления и следов его», «осмотру посредством сведущих людей», «получению собственного признания», «допросу обвиняемого в ходе формального следствия», «получению и принятию показаний свидетелей», «собранию и принятию письменных документов». Предлагаемую технологию выполнения следственных действий Я. И. Баршев назвал «образом производства». Раскрывая сущность формального следствия, автор затронул и криминалистический аспект, а именно предложил, говоря современным языком, основы частных методик расследования отдельных видов преступлений. Глава 4 труда целиком посвящена указанным проблемам и носит название «Образ исследования и осмотра особенных родов преступлений». Профессором Баршевым предложены фактически краткие рекомендации по методике расследования отдельных видов преступлений, названные им «образом производства», среди которых «образ производства следствия при смертоубийстве, при отравлении, похищении, подлоге, банкротстве».

Другой выдающийся процессуалист – профессор Санкт-Петербургского университета Александр Андреевич Квачевский, выпускник университета 1852 года, принимал участие в разработке Судебных уставов 1864 года, а по введении судебной реформы был назначен прокурором Кашинского окружного суда, затем председателем Острогожского окружного суда (1867–1870), с 1873 года – присяжный поверенный в Полтаве и Киеве. Одним из его фундаментальных трудов является работа «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г.», в которой автор не ограничился изложением процессуальных особенностей судопроизводства, но предложил способы расследования и доказывания, носящие криминалистический характер. Эти вопросы впоследствии вошли в предмет науки криминалистики и были успешно развиты учеными-криминалистами.



А. А. Квачевский

Заслуженный профессор Иван Яковлевич Фойницкий (1847–1913) окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета в 1868 году с золотой медалью за сочинение на предложенную факультетом тему по уголовному процессу «О мерах пресечения обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда». В 1871 году он защитил магистерскую дис-



И. Я. Фойницкий

диссертацию «Мошенничество по русскому праву» и тогда же был избран на должности штатного доцента по уголовному праву. Два последующих года И. Я. Фойницкий стажировался за границей, посетил ведущие научные центры в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Франции, Италии и Великобритании, а также принял участие в занятиях Первого Международного пенитенциарного конгресса, собравшегося в Лондоне. По возвращении в Россию в сентябре 1873 года он открыл в Университете два курса: общий – уголовное право и специальный – тюрьмоведение. В 1874 году Иван Яковлевич приступил к чтению специального курса по уголовному процессу – о пересмотре уголовных приговоров. После защиты докторской диссертации «Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии» (1881) Фойницкий был утвержден в должности профессора кафедры уголовного права.



И. Я. Фойницкий среди преподавателей

К числу знаменитых работ ученого принадлежат «Курс уголовного судопроизводства» (том 1 – 1884, том 2 – 1897), «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889), «Курс особенной части уголовного права» (1890). Научная деятельность И. Я. Фойницкого прекрасно сочеталась с практикой – работой в Министерстве юстиции, а затем в Правительствующем Сенате.

Иван Яковлевич находился у истоков создания Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. Благодаря ему в вузе был открыт Кабинет уголовного права – библиотека и помещение для работы студентов, а также первый в России музей уголовного права, состоявший из предметов выставки, устроенной для Петербургского международного пенитенциарного конгресса. Его, многократного участника международных конференций и кон-



И. Я. Фойницкий со студентами

грессов, создателя Русской группы Международного союза криминалистов, хорошо знали за рубежом.

Доктор юридических наук, профессор Павел Исаакович (Исаевич) Люблинский (1882–1938) окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1904 году с дипломом первой степени.



П. И. Люблинский

Будучи оставленным для подготовки к профессорскому званию, он занимал должность хранителя кабинета уголовного права университета, проводил занятия по уголовному праву и процессу, руководил студенческим кружком уголовного права. В 1907 году П. И. Люблинский защитил диссертацию «Свобода личности в уголовном процессе». Его работы были посвящены теоретическим вопросам уголовного права и процесса, а также уголовному праву отдельных зарубежных стран. Он зарекомендовал себя как большой знаток англо-американского права, опубликовав монографии «Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии» (1911) и «Полиция, суд и тюрьмы в США» (1933). В 1930 году он был избран членом Американской академии социальных и политических наук.

В 1938 году за большие научные заслуги П. И. Люблинский был удостоен ученой степени доктора юридических наук без защиты диссертации.

В последующие исторические периоды именно ведущие процессуалисты и специалисты в области уголовного права университета формировали будущие криминалистические исследования, отражая в своих трудах и лекциях, читаемых перед студентами, вопросы не только права и процесса, но и методов собирания и оценки доказательств, использования специальных знаний в доказывании. Эти вопросы ярко отражены в научном наследии В. Д. Спасовича, В. К. Случевского, А. Ф. Кони, в разное время работавших в университете. Распространению криминалистических знаний способствовала Русская группа Международного союза криминалистов, образованная на юридическом



В. Д. Спасович



В. К. Случевский



А. Ф. Кони

факультете. После опубликования книги Г. Гросса «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» встал вопрос о преподавании криминалистики в Санкт-Петербургском университете, о чем на рубеже веков неоднократно публиковались статьи в «Журнале Министерства юстиции»², однако решение этого вопроса было отложено на долгие годы.

Начавшийся XX век принес перемены в жизни всей страны и в учебных заведениях в том числе. Октябрьская революция вызвала коренные преобразования в университете и на юридическом факультете, который пережил не одну реорганизацию, был выделен из состава Ленинградского государствен-



Музей кабинета уголовного права

² См., например: А. Л. Что такое криминалистика? // Журнал Министерства юстиции. СПб. 1900. № 9. С. 114–124.



Музей кабинета уголовного права

ного университета (ЛГУ) в 1930 году³ и только через 14 лет восстановлен в ЛГУ. Практически сразу же после окончательного снятия блокады Ленинграда состоялось решение Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР (известного по аббревиатурам ВКВШ при СНК СССР или ВКВШ). Данное решение ВКВШ датировано 5 февраля 1944 года. На основании этого решения был издан приказ ректора ЛГУ от 29 марта 1944 года об организации в составе ЛГУ юридического факультета⁴.

Можно предполагать, что возрождение юридического факультета Ленинградского государственного университета, пришедшееся на 1944 год, произошло в рамках общего контекста возрождения нашей страны как великой державы, все более явственно выходящей на доминирующие позиции в Европе и во всем мире. Такие события, как разгром войск гитлеровской Германии под Сталинградом и на Курской дуге, под Ленинградом и на Украине, а также, в частности, реформирование Красной армии и возвращение патриаршества в православной церкви, наглядно свидетельствовали как о возросшей мощи государства, так и о необходимости совершенствования правового регулирования различных аспектов его деятельности. Отсюда, очевидно, возникла и осознаваемая руководством страны необходимость увеличения числа кадров с высшим юридическим образованием, полученным именно в университетах.

Процесс обучения на факультете был начат в 1944–1945 учебном году. В связи с военными трудностями первым днем обучения было не 1 сентября, а

³ Ошибочность данного решения довольно быстро стала очевидной. В мае 1941 г. Совет народных комиссаров СССР начал обсуждение вопросов, связанных с обучением по юридическому профилю в ЛГУ. Обсуждение прервалось из-за начала 22 июня 1941 года Великой Отечественной войны.

⁴ См.: Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947. Очерки. Л., 1948. С. 324.

1 октября 1944 года. Курс обучения тогда составлял четыре года, а прием был осуществлен сразу на все четыре курса. Кадры профессоров и преподавателей специальных юридических дисциплин в первом после восстановления факультета учебном году были представлены шестью профессорами, девятью доцентами и двумя ассистентами. Студентами факультета были бывшие студенты юридических институтов и юридических факультетов других университетов, которые вернулись из армии и эвакуации.

Всего в 1944–1945 учебном году на юридическом факультете было образовано пять кафедр. Одна из них носила название «кафедра уголовного права и процесса», а возглавила ее доцент Н. В. Рабинович. То есть, как следует из ее названия, на ней велось преподавание одновременно и материальных, и процессуальных вопросов, относящихся к уголовно-правовым дисциплинам.

Учебный процесс на факультете проходил в трудных условиях продолжающейся войны, нехватки литературы и учебных пособий, повышенной нагрузки профессорско-преподавательского состава. Но, несмотря на все существующие проблемы и негативные обстоятельства, первый учебный год успешно завершился выпуском студентов четвертого курса. Коллектив факультета не щадил сил для работы. Ряд преподавателей читал по 2–3 разных курса (И. И. Яковкин, П. С. Элькинд). Следует отметить, что явное предпочтение «заказчики» отдавали выпускникам, подготовленным для работы в уголовно-правовой сфере. «По окончании учебного года факультет выпустил 25 молодых юристов, получивших направление на работу в прокуратуру, суд, адвокатуру и в учреждения Ленсовета. Три студента были оставлены в аспирантуре»⁵. Из приведенной цитаты хорошо видно, что выпускники факультета шли на работу преимущественно в правоохранительные органы уголовно-правовой направленности. Отсюда следует, что в то время особое значение имела подготовка студентов на кафедрах, где преподавалось уголовное и уголовно-процессуальное право. Такое же положение впоследствии сохранялось на протяжении достаточно продолжительного времени.

После первого года существования восстановленного факультета на нем стало увеличиваться как количество кафедр, так и число штатных научно-педагогических работников. К концу 1946–1947 учебного года на факультете имелось уже свыше 40 профессоров и преподавателей. К 1948 году на факультете работало 9 кафедр. При этом имелись самостоятельные кафедры уголовного права и уголовного процесса, которые возглавлял профессор М. Д. Шаргородский.

На протяжении 70 лет, прошедших после воссоздания юридического факультета, кафедра несколько раз меняла свое название. В 1944 году, при восстановлении факультета, она была названа «кафедра уголовного права и процесса». Как только произошло увеличение количества научно-педагогических кадров, ее переименовали в «кафедру уголовного процесса». В дальнейшем в связи с увеличением значимости криминалистической науки для теоретической и практической юридической деятельности кафедра еще раз поменяла свое название. Она стала носить свое современное название «кафедра уголовного процесса и криминалистики».

В советское время и по вторую половину 1990-х годов заведующими кафедрой состояли: доцент Н. В. Рабинович (1944–1945); профессор М. Д. Шарго-

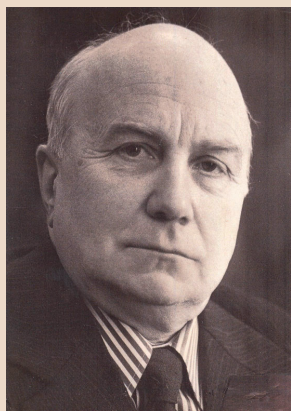
⁵ Ленинградский университет. С. 324.

родский (1946–1947); доцент В. И. Иванов (1948–1952); профессор Н. С. Алексеев (1952–1990); профессор В. Г. Даев (1990–1996); профессор В. З. Лукашевич (1996–1997). Все это были талантливые преподаватели, крупные ученые и организаторы учебного процесса.

Надежда Вениаминовна Рабинович (1890–1964) окончила юридические курсы Н. П. Раева, в 1915 году сдала государственные экзамены на юридическом факультете Петроградского университета. С 1920 года преподавала в различных высших учебных заведениях Петрограда-Ленинграда. Ее научные интересы были сосредоточены на проблемах уголовного права, затем – гражданского, семейного и сравнительного права.

Михаил Давыдович Шаргородский (1904–1973) – выпускник юридического факультета Института народного хозяйства в Одессе, в 1934 году был назначен доцентом и деканом в Ленинградском юридическом институте (ЛЮИ), профессором, заведующим кафедрой уголовного права. В годы Великой Отечественной войны служил в органах военной юстиции, был награжден государственными наградами. После окончания войны вернулся в Ленинград, где возглавил кафедру уголовного права ЛЮИ, а затем и кафедры уголовного права и уголовного процесса на юридическом факультете ЛГУ.

Вадим Александрович Иванов (1904–1975) – кандидат юридических наук, доцент, окончил рабфак и правовое отделение ЛГУ. В июне 1941 года защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук. С началом Великой Отечественной войны был приписан к системе военных трибуналов. В марте 1946 года вернулся к преподавательской работе в университете. Заведовал кафедрой уголовного процесса и криминалистики в 1947–1952 годах. Кавалер орденов Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, награжден медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За оборону Ленинграда», «Победа и свобода» (Польша).



Николай Сергеевич Алексеев (1914–1992) – доктор юридических наук, профессор, почти сорок лет занимал должность заведующего кафедрой. С отличием окончил ЛЮИ, с 1940 года находился на военной службе. Великую Отечественную войну встретил в рядах 4-го мотострелкового полка войск НКВД. Участник тяжелых боев по обороне Киева, был ранен. В последние годы войны служил прокурором отдельной бригады. Боевой путь Николая Сергеевича увенчан орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной Звезды, Серебряным Крестом Польской Народной Республики и многими медалями. В 1945–1946 годах был помощником главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко.

С 1947 года работал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета, совмещая преподавание с административной нагрузкой в качестве заместителя декана по работе со студентами. В 1950 году защитил кандидатскую диссертацию «Ответственность за уклонение от военной службы в истории русского права и в советском праве», а в 1962-м – докторскую диссертацию «Кодификация уголовного законодательства двух германских государств (ГДР и ФРГ)». Трижды лауреат университетских премий за лучшую научную работу. Четыре раза единогласно избирался деканом факультета (1964–1977). Свыше двадцати пяти лет был ответственным редактором общесоюзного журнала «Правоведение».

Около трех лет работал в ГДР в качестве профессора Германской академии государственных и правовых наук. В 1959 году Академия присвоила ему степень почетного доктора наук (*honoris causa*). В 1960–1970-е годы неоднократно выезжал в Германию в качестве эксперта по делам о нацистских военных преступниках.

Владислав Григорьевич Даев (1930–1996) – выпускник юридического факультета ЛГУ, работал на различных должностях в органах прокуратуры Ленинграда. В октябре 1965 года в связи с избранием по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Дальневосточного университета переехал во Владивосток. В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию «Применение исковой формы защиты права в советском уголовном процессе» и вскоре был назначен преподавателем кафедры уголовного процесса и криминалистики ЛГУ. В 1983 году защитил докторскую диссертацию «Взаимосвязь советского уголовного права и процесса», в 1985 году был избран на должность профессора кафедры. Являлся членом нескольких ученых, специализированных и консультационных советов, а также членом редакционной коллегии журнала «Правоведение».

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный профессор Санкт-Петербургского университета **Владимир Захарович Лукашевич (1925–2006)** – участник Великой Отечественной войны, командовал ротой автоматчиков, был дважды ранен. Его ратный путь был отмечен орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени и несколькими медалями. В 1947 году поступил на юридический факультет ЛГУ, окончил его с отличием и поступил в аспирантуру.

За свой многолетний научный путь опубликовал более 200 научных работ. Три монографии получили университетские премии, а две заняли призовые места в общесоюзных конкурсах лучших вузовских работ. Основной темой научных изысканий были гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. По этой проблематике ученый защитил кандидатскую и докторскую диссертации, а также опубликовал монографии «Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования)», «Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду». Осуществлял научное редактирование нескольких кафедральных учебников по уголовному процессу, участвовал в создании Комментариев к Уголовно-процессуальным кодексам РСФСР и Российской Федерации. Вершиной научной деятельности стал двухтомный учебник «Уголовный процесс России», вышедший под редакцией В. З. Лукашевича в 2004–2005 годах. Его педагогическое мастерство было от-

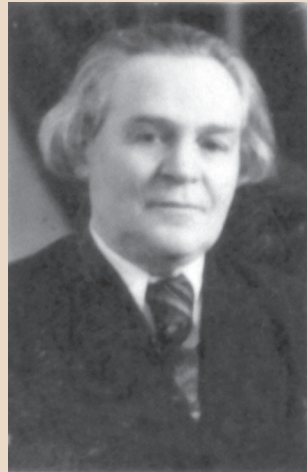
мечено почетной грамотой ученого совета Ленинградского государственного университета.

В 1977 году избран деканом юридического факультета ЛГУ и занимал эту должность в течение пяти лет.

В послевоенный период проблемами уголовного процесса занимались сотрудники кафедры: кандидат юридических наук, доцент Н. Я. Левин, доктор юридических наук, профессор П. С. Элькинд, кандидат юридических наук, доцент С. И. Катькало, кандидат юридических наук, доцент Ю. В. Мещеряков.

Ной Яковлевич Левин (р. 1882) – выпускник юридического факультета Томского университета, участник студенческого революционного движения 1904–1905 годов. После вынужденной эмиграции, амнистии, успешной сдачи выпускных экзаменов вступил в сословие помощников присяжных поверенных при Томском окружном суде. Специализировался на политических процессах, среди его подзащитных были мещанин С. М. Костриков, ставший известным под фамилией Киров, и В. В. Куйбышев. Адвокатской работой занимался и после революции.

С 1930 года сочетал практическую работу в адвокатуре с научной и педагогической работой в различных вузах Ленинграда. С 1924 по 1941 год состоял членом Ленинградской областной коллегии адвокатов, избирался в состав ее Президиума. В годы войны находился в эвакуации, занимался адвокатской практикой в составе Свердловской областной коллегии адвокатов. В 1944 году, возвратившись в Ленинград, вступил в состав Городской коллегии адвокатов и во второй половине 1940–1950-х годов читал курс уголовного процесса на юридическом факультете ЛГУ. Являлся соавтором «Задачника для практических занятий по советскому уголовному процессу» и учебника «Уголовный процесс».



Видным ученым в области уголовно-процессуального права была доктор юридических наук, профессор **Полина Соломоновна Элькинд** (1918–1981). В 1937 году она окончила Ленинградский юридический институт и получила назначение на работу в Ивановскую областную коллегия адвокатов. Работая в адвокатуре, параллельно училась в аспирантуре. В годы войны занималась в Кирове преподавательской и адвокатской практикой. В 1943 году защитила кандидатскую диссертацию «Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе». В 1944 году была принята в Ленинградскую областную коллегия адвокатов, а вскоре перешла на работу в Ленинградский государственный университет. В 1963 году защитила докторскую диссертацию «Сущность советского уголовно-процессуального права». Многие ее научные работы были посвящены деятельности адвоката-защитника. Подго-

товленный ею сборник «Вопросы защиты по уголовным делам» (1967) получил высокую оценку в профессиональной среде.

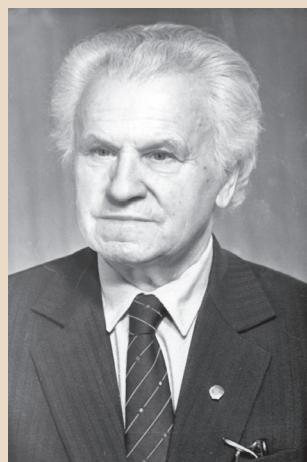


Кандидат юридических наук, доцент **Сергей Иванович Каткало** (1924–1998) – еще один фронтовик из числа сотрудников кафедры. Добровольно ушел на фронт, оборонял Киев, Кременчуг, Полтаву, Сталинград, участвовал в освобождении Харькова и Кировограда, во взятии Ясс и Будапешта, служил разведчиком-наблюдателем, командиром отделения разведки батареи, затем в штабе полка, получил два ранения. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени и медалями. В 1948 году был зачислен в ЛГУ на юридический факультет. Всю свою жизнь посвятил преподаванию. В 1970 году защитил диссертацию «Особенности судопроизводства по делам частного обвинения: на материалах Ленинграда и Ленинградской области». Являлся соавтором монографии «Су-

допроизводство по делам частного обвинения» (1972) и некоторых кафедральных научных работ.

Во второй половине XX в. криминалистику на кафедре представляли доктор юридических наук, профессор И. Ф. Крылов, доктор юридических наук, профессор П. П. Цветков, кандидат юридических наук, доцент И. Х. Максудов, кандидат юридических наук, доцент И. Ф. Базанова, кандидат юридических наук, доцент О. М. Глотов.

Создание ленинградской школы криминалистики прочно связано с именем доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ **Ивана Филипповича Крылова** (1906–1996), работавшего на кафедре с 1946 года. Иван Филиппович окончил факультет советского права в Ленинграде в 1930 году и был рекомендован для подготовки к научной деятельности, но отказался от этого предложения, так как считал необходимым приобрести практические знания. До 1938 года работал юрисконсультантом в различных учреждениях Ленинграда, а затем был принят в Ленинградскую городскую коллегия адвокатов, где вскоре стал заведующим консультацией, в 1939 году был избран председателем Городской коллегии адвокатов.



В первые дни Великой Отечественной войны добровольно вступил в народное ополчение и сражался в рядах Советской армии всю войну, пройдя путь от солдата до подполковника юстиции. Занимал должность заместителя прокурора 3-го Белорусского фронта.

После демобилизации из армии в 1948 году снова был избран председателем Ленинградской городской коллегии адвокатов и одновременно, по предложению декана юридического факультета ЛГУ профессора А. В. Венедиктова,

начал преподавательскую работу на факультете сначала по совместительству, а с 1951 года – в качестве старшего преподавателя кафедры уголовного процесса и криминалистики.

С тех пор успешная педагогическая и научная деятельность Ивана Филипповича неразрывно связана с юридическим факультетом ЛГУ. Фактически за многие десятилетия он создал ленинградскую школу криминалистов, подготавливая кандидатов юридических наук (свыше 40), многие из которых впоследствии защитили докторские диссертации (более 10), стали профессорами, заведующими кафедрами различных вузов страны, возглавили учебные и научно-исследовательские учреждения. Такого количества учеников, успешно защитивших диссертации, не было ни у одного профессора юридического факультета ЛГУ за весь послевоенный период существования. Под его руководством проводили исследования многочисленные ученики, воспринявшие лучшие черты ленинградской криминалистической школы, подтвердившие своими работами высокий уровень исследований, заданный научным руководителем. Среди учеников профессора Крылова – практические работники органов следствия, прокуратуры, суда. Многие из них стали высококвалифицированными преподавателями криминалистики в различных учебных заведениях страны и за рубежом: А. С. Ионеску, Т. А. Седова, А. Н. Басалаев, В. И. Шиканов, Д. А. Турчин, И. Ф. Базанова, Э. У. Бабаева, В.-З. К. Пошюнас, В. А. Гуняев, О. К. Дамбраускайте, В. А. Оровер, В. А. Шифрин, С. М. Сырков, Р. Г. Домбровский, М. А. Филиппова, А. И. Бастрыкин, Н. М. Сологуб, Ю. П. Марданов, В. К. Кудряшов, В. Л. Егоров, Н. И. Нестеров, Т. И. Бузина, А. И. Александров, Ю. С. Меркулова, Ф. К. Гизатуллин, М. П. Доронин, А. Д. Ковалев, А. С. Николаева.

Без преувеличения можно сказать, что в этот период времени сформировалась ленинградская криминалистическая школа и были подготовлены основные кадры для научной деятельности и преподавания, пополнившие ведущие высшие учебные заведения страны.

Отдавая много сил и времени своим ученикам, И. Ф. Крылов не только интересно и увлекательно читал лекции по криминалистике, проводил практические занятия, но постоянно и интенсивно занимался научной работой. Он опубликовал свыше 100 печатных трудов, в том числе восемь монографий, получивших высокую положительную оценку и в нашей стране, и за рубежом. Такие монографии, как «Следы на месте преступления» (1961), «Судебная экспертиза в уголовном процессе» (1963), «Легенды и были криминалистики» (1987), «В мире криминалистики» (последняя вышла в двух изданиях) и др., принесли ему широкое признание и известность не только среди специалистов, но и среди широких слоев населения.

В 1976 году под редакцией И. Ф. Крылова криминалистами кафедры был подготовлен учебник «Криминалистика». Начиная с конца 1950-х годов, когда была опубликована книга «Как наука помогает раскрывать преступления», он во многих своих последующих книгах и статьях постоянно знакомил читателей с достижениями науки, в частности криминалистики, в борьбе с преступностью, что является бесспорной заслугой.

За боевые и трудовые свершения И. Ф. Крылов награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями и почетными грамотами.

В 1986 году Иван Филиппович ушел на заслуженный отдых, но постоянно поддерживал связь с кафедрой и продолжал активную научную работу.



Значительный вклад в развитие криминалистики и ее преподавание внес профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики **Павел Петрович Цветков** (1923–1976), пришедший к профессии юриста уже после войны. Он был призван по мобилизационному плану 17 сентября 1942 года и отправлен в запасной полк. Служил в 137-й отдельной стрелковой бригаде на Северо-Западном фронте. Участвовал в тяжелых боях под Старой Руссой, где был тяжело ранен. Войну окончил в звании младшего лейтенанта запаса. Награжден медалью «За победу над Германией» и другими наградами. В 1946–1950 годах обучался в Ленинградском юридическом институте имени Калинина, после окончания работ

на кафедре уголовного процесса и криминалистики. Сферой его научных интересов была тактика производства следственных действий. В 1957 году Павел Петрович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Опознавание в стадии предварительного следствия», а в 1974-м – докторскую «Теория и практика исследования данных о личности обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства)». Издал целый ряд работ по темам своих исследований, внесших значительный вклад в развитие криминалистики.



В 1950–1960-е годы на кафедре активно разрабатывались проблемы криминалистической тактики и методики расследования преступлений. Значительную лепту внес в этот процесс доцент **Измаил Хафизович Максудов** (1922–1977). Как и многие его коллеги, был фронтовиком. 22 июня 1941 года по окончании средней школы был призван в армию и направлен в Ленинградское военно-медицинское училище имени Щорса. Командовал взводом в 1072-м стрелковом полку 313-й дивизии на Карельском фронте, а затем на II Белорусском фронте. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и шестью медалями, в том числе «За отвагу» и «За победу над Германией». Был ранен и контужен. Демобилизовался в звании старшего лейтенанта медицинской службы. В 1945 году поступил в Ленинградский юридический институт имени Калинина и перешел в ЛГУ в результате объединения двух вузов.

На кафедре разрабатывал методику расследования дорожно-транспортных происшествий. В 1959 году защитил кандидатская диссертация на тему «Борьба с преступными нарушениями правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта». Совместно с процессуалистами кафедры являлся автором монографии «Автотранспортные происшествия и их расследование», изданной в 1962 году. Научные интересы И. Х. Максудова простирались и на проблемы криминалистической тактики. В частности, им изданы работы по тактике производства осмотра места происшествия (1965) и по судебному осмотру (1972).



Кафедра уголовного процесса и криминалистики. 1979 год

В этот период времени на кафедре трудилась доцент **Интерна Федоровна Базанова**, сферой научных интересов которой были проблемы, связанные с разработкой криминалистической техники, в частности судебной фотографии. В 1969 году ею защищена кандидатская диссертация на тему «Историческое развитие и некоторые современные проблемы судебной фотографии: Процессуальное и криминалистическое».

Ярким представителем ленинградской школы криминалистики являлся **Ольгерд Михайлович Глотов** (1931–1985), проводивший оригинальные исследования в ЛГУ. Результатом его научной деятельности стала кандидатская диссертация на тему «Криминалистическое исследование вещественных доказательств в ультрафиолетовых лучах», защищенная в 1964 году. Ольгерд Михайлович был экспертом-криминалистом и научным сотрудником в Ростовской и Ленинградской научно-исследовательских лабораториях судебной экспертизы, стажировался в Берлинском университете имени Гумбольдта. В 1977–1985 годах возглавлял кафедру криминалистики в Институте повышения квалификации следственных работников.

Более 50 лет на кафедре работала доктор юридических наук, профессор **Тамара Алексеевна Седова** (1930–2017). В стенах Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета она прошла путь от ассистента до профессора кафедры уголовного процесса и криминалистики. Из Ленинграда, вокруг которого стремительно сжималось кольцо блокады, ребенком она была эвакуирована дважды. В первый раз – в июле 1941 года, вместе со школой № 15 в Окуловский район Новгородской области. Но из-за налетов вражеской авиации всех детей возвратили обратно в Ленинград. Второй раз она была эвакуирована в 1943-м во время прорыва блокады.



В 1954 году Т. А. Седова окончила юридический факультет ЛГУ. Во время прохождения практики была принята на постоянную работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию судебных экспертиз, где прошла путь от лаборанта, старшего лаборанта, младшего научного сотрудника до старшего эксперта. В 1962 году вернулась на факультет и поступила в очную аспирантуру, защитила диссертацию «Проблемы групповой идентификации».

Т. А. Седовой принадлежит приоритет в разработке и внедрении в экспертную практику методов ИК-спектроскопии, в том числе спектроскопии внутреннего отражения. В 1978 году она опубликовала монографию по этим вопросам, а в 1987-м защитила докторскую диссертацию «Теория и практика уголовно-процессуального доказывания на основе идентификации объектов по структуре и составу».

Дальнейшая научная работа также связана с проблемами теории криминалистической идентификации и ее практическими аспектами. Тамара Алексеевна – автор многочисленных научных работ, главные из которых «Применение спектрального внутреннего отражения в судебной экспертизе» (1973), «Проблемы методологии и практики нетрадиционной идентификации» (1986). Она соавтор и редактор нескольких учебников по криминалистике, в том числе электронного учебника «Криминалистика» для учебно-методических комплексов.

Среди учеников Тамары Алексеевны – многие известные юристы: ученые и практические работники. Под ее руководством проводили исследования и успешно защитили диссертации В. М. Хамцов, О. В. Чельшева, Н. П. Кириллова, С. А. Афанасьев, С. П. Кушниренко, О. Н. Сергеева, Я. С. Величкин. О. В. Чельшева и Н. П. Кириллова впоследствии успешно защитили диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Наталия Павловна Кириллова и Светлана Петровна Кушниренко преподают на кафедре уголовного процесса и криминалистики в настоящее время, продолжая традиции своего педагога и научного руководителя.

Свыше тридцати лет Т. А. Седова являлась научным руководителем кружка криминалистики Студенческого научного общества факультета.

Деятельность кафедры связана с именем еще одного талантливого ученого и педагога – профессора **Алексея Алексеевича Эксархопуло**, автора многочисленных монографий и пособий. Алексей Алексеевич является соавтором и соредактором четырех учебников «Криминалистика», а в 2009 году им подготовлен и издан авторский учебник «Криминалистика». На кафедре – с 1976 года, прошел путь от инженера до профессора. В 1980 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1993-м – докторскую. В 1983–1987 годах работал в Йемене в качестве преподавателя юридического факультета Аденского университета. Им подготовлен и издан первый в истории этой страны учебник криминалистики на арабском языке, а также восемь научных работ на арабском языке. За плодотворную научную и преподавательскую деятельность награжден почетной грамотой Аденского университета и почетной грамотой советника по экономическим вопросам в Посольстве СССР в Народной Демократической Республике Йемен.

Кандидат юридических наук, доцент **Сергей Александрович Величкин** (1944–2019) проработал на кафедре более сорока лет. В 1981 году защитил кан-

дидатскую диссертацию «Тактика организации расследования». В сфере его научных интересов находились вопросы методологии науки криминалистики и проблемы криминалистической техники и тактики.

Несколько десятилетий преподавала уголовный процесс **Наталья Абрамовна Комарова**, кандидат юридических наук, доцент, соавтор кафедральных учебников. Много сил она отдавала работе со студентами, являясь научным руководителем студенческого научного кружка уголовного процесса.

Ленинградская школа уголовного процесса и криминалистики всегда отличалась комплексным подходом к разработке проблем, поэтому традиционно учебники готовились совместно со специалистами в области уголовного процесса, криминалистики и судебной медицины. Так, при участии ученых-процессуалистов были изданы учебники «Криминалистика» (1976, 1984, 1995, 2001, 2019). Криминалисты кафедры принимали участие в работе над учебниками по уголовному процессу (1972, 1989, 2004), учебника по судебной медицине (1974), Комментария к УПК РСФСР 1962 г. Учебник «Правоохранительные органы» (2015) выдержал три издания и получил премию «Выбор вузов России» (2015). Учебник по криминалистике под редакцией Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко и В. Д. Пристанкова стал лауреатом V Всероссийского общественного конкурса за лучший учебник, учебное пособие и монографию в номинации «Лучший учебник для вузов и послевузовского образования», а его редакторы С. П. Кушниренко и В. Д. Пристанков были награждены дипломами юбилейной Всероссийской книжной премии «Золотой фонд» в номинации «Открытие года».

Традиционно на кафедре уголовного процесса и криминалистики преподавалась и судебная медицина. На юридическом факультете дореволюционного периода курсы, посвященные общим проблемам судебной медицины, а также судебной экспертизе и психопатологии, преподавались приват-доцентами Николаем Николаевичем Баженовым (1860–1923), Павлом Ивановичем Ковалевским (1849–1931), Дмитрием Петровичем Косоротовым (1856–1919), Брониславом Викентьевичем Томашевским (1850–?). Доктор медицинских наук Валерий Алексеевич Надеждин (1888–1955) преподавал судебную медицину на факультете советского права ЛГУ во второй половине 1920-х годов. Ему же было поручено вести этот курс после 1945 года. Судебную психиатрию преподавали доктор медицинских наук Федор Измайлович Случевский (1931–1993), а затем Надежда Семеновна Случевская.

Настоящим энтузиастом преподавания судебной медицины являлся профессор, доктор медицинских наук **Вадим Петрович Петров**, работавший в ЛГУ (СПбГУ) в 1972–1996 годах. Блестящий специалист, лектор и педагог, в прошлом эксперт-криминалист окружной судебно-медицинской лаборатории Ленинградского военного округа, начальник судебно-медицинской лаборатории Группы советских войск в Австрии. В 1968 году защитил докторскую диссертацию «Судебно-медицинская экспертиза при установлении личности умершего человека», до сих пор не утратившую своего научно-практического значения. Опубликовал свыше 60 работ по различным вопросам судебной медицины. Консультировал подготовку пяти докторских и был научным руководителем более десяти кандидатских диссертаций по судебной медицине и криминалистике.



В. Л. Бежан-Бек

Нельзя не отметить большой вклад в развитие кафедры людей, возглавлявших криминалистическую лабораторию и обеспечивавших учебный процесс: В. Л. Бежан-Бека (одного из соавторов кафедральных учебников «Криминалистика»), Б. С. Серебрякова, С. Н. Аммосова.

В 1997 году Президиум АН России с учетом прошлых и настоящих достижений в развитии науки присудил кафедрам уголовного процесса и криминалистики и уголовного права СПбГУ единственный президентский Грант по правовым наукам для поддержки выдающихся ученых школ России.

С 1997 по 2022 год кафедру возглавлял доктор юридических наук, профессор **Алексей Иванович Александров**. Выпускник юридического факультета ЛГУ 1974 года, шесть лет отдал

работе следователя, затем старшего следователя в органах внутренних дел Ленинграда. В 1980 году перешел в адвокатуру, стал преподавать на кафедре уголовного процесса и криминалистики ЛГУ. В 1986 году защитил кандидатскую диссертацию «Криминалистическая характеристика краж с проникновением в жилище и их расследование», а в 1999-м – докторскую диссертацию «Уголовно-процессуальная политика в России: Теоретический и историко-правовой анализ». Перу А. И. Александрова принадлежат монографии «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: История, современность, перспективы, проблемы» (2003), «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» (2013), а также коллективные монографии, учебные и учебно-методические пособия.

Профессор А. И. Александров – один из видных политических деятелей современной России, чей путь в политику начался с избрания в 1988 году депутаты районного совета. В 1990 году он был избран депутатом Ленинградского городского совета. Трижды (1993, 1995 и 1999) становился депутатом Государственной Думы Российской Федерации I, II и III созывов, где работал в Комитете по безопасности, возглавляя подкомитет по законодательству в сфере национальной безопасности, и в Комиссии по борьбе с коррупцией.

В 2004 году был назначен представителем в Совете Федерации РФ от Законодательного собрания Калужской области, где являлся первым заместителем председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству.

Научная и законотворческая работа профессора А.И. Александрова отмечена званием «Заслуженный юрист РФ», орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени и другими государственными и ведомственными наградами.

Длительное время на кафедре уголовный процесс преподавал доктор юридических наук, доцент **Роман Алексеевич Александров**. В 1996 году он окончил юридический факультет СПбГУ, здесь же в 2003 году защитил диссертацию «Уголовно-правовые проблемы противодействия наркобизнесу». В 2007-м – докторскую диссертацию «Государственно-правовое противодей-



Кафедра уголовного процесса и криминалистики. 2023 год

ствие наркобизнесу в контексте генезиса и эволюции системы национальной безопасности России» в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Кафедру всегда отличало стремление к сочетанию в преподавании высокого теоретического уровня и глубокого изучения современных правоприменительных проблем, поэтому в разные годы учить студентов привлекались лучшие кадры правоохранительных органов. Так, на кафедре преподавали председатель Ленинградского областного суда в отставке **Ирина Игоревна Лодыженская**, заместитель прокурора Санкт-Петербурга, кандидат юридических наук **Иван Алексеевич Еремеев**, начальник Уголовно-судебного управления, кандидат юридических наук **Елена Васильевна Сидоренко** и др. Многие преподаватели кафедры и в настоящее время совмещают преподавание с практической работой в правоохранительных органах и адвокатуре, а ведущие специалисты правоприменительных органов систематически приглашались для проведения мастер-классов с бакалаврами и магистрами по проблематике кафедры.

Высокий профессионализм сотрудников кафедры востребован и в правоприменительной деятельности. В рамках реализации совместного договора СПбГУ и Следственного комитета Российской Федерации преподаватели систематически принимают участие в повышении квалификации следователей не только Санкт-Петербурга и Ленинградской области, но и других регионов России. За значительный вклад в деле подготовки следственного аппарата В. Д. Пристансков и Н. А. Сидорова награждены ведомственными медалями СК РФ «За содействие». Помощь в повышении квалификации сотрудников кафедры оказывает и Северо-западному центру повышения квалификации Генеральной прокуратуры РФ.

С 2022 года кафедрой реализуется программа повышения квалификации и дополнительного профессионального образования «Летняя школа криминалистики» (руководитель – С. П. Кушниренко), которая привлекает интерес не только преподавателей вузов страны, но и практических работников правоохранительных органов и экспертных учреждений.

В настоящее время коллектив кафедры составляет 20 человек: 5 профессоров, 10 доцентов, 2 старших преподавателя и 3 ассистента, подавляющее большинство которых являются выпускниками СПбГУ.

Доктор юридических наук, профессор **Наталья Павловна Кириллова** исследует проблемы уголовного процесса и прокурорского надзора. В 1981 году она окончила юридический факультет ЛГУ, в течение двух десятилетий работала в органах суда и прокуратуры. В 1995 году защитила кандидатскую диссертацию «Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции», а в 2009-м – докторскую диссертацию «Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства в суде первой инстанции». С 2002 года работает на кафедре уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, ведет активную научную и педагогическую деятельность, является ведущим специалистом в области уголовного процесса и прокурорского надзора. Ее научный и практический опыт широко востребован правоохранительными и законодательными органами в сфере правоприменения и законотворчества.

Доктор юридических наук, профессор **Николай Геннадьевич Стойко** окончил юридический факультет Красноярского государственного университета, но вся его научная карьера связана с СПбГУ, где в 1981 году он защитил кандидатскую диссертацию «Окончание уголовного дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств», а в 2006-м – докторскую на тему «Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем». Среди научных интересов – сравнительное уголовно-процессуальное право, уголовный процесс зарубежных стран, защита прав человека в уголовном процессе, оценка доказательств по уголовным делам. Н. Г. Стойко является главным редактором журнала «Вестник СПбГУ. Право», автором более 120 научных и 60 учебно-методических работ, включая 5 монографий и 4 учебника. За заслуги в развитии правозащитного движения награжден почетной грамотой губернатора Красноярского края (2010).

Профессор кафедры, доктор юридических наук **Александр Иванович Бастрыкин** преподавал на кафедре в 1980–1987 годах, позднее, уже находясь на должности председателя Следственного комитета РФ, вновь вернулся к преподавательской деятельности на родном факультете. Александр Иванович, как и многие другие сотрудники кафедры, является учеником профессора И. Ф. Крылова, под руководством которого в 1977–1980 годах обучался в аспирантуре, в 1980-м защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы расследования уголовных дел с участием иностранных граждан», а в 1987-м – докторскую диссертацию «Взаимодействие внутригосударственного и международного права в сфере советского уголовного судопроизводства». В дальнейшем руководил высшими юридическими учебными заведениями, а затем перешел на государственную службу: в 2001–2006 годах возглавлял управление министерства юстиции РФ по Северо-Западному федеральному

округу, руководил Главным управлением Министерства внутренних дел РФ по Центральному федеральному округу, являлся заместителем Генерального прокурора РФ. В 2007 году А. И. Бастрыкин назначен на должность Первого заместителя Генерального прокурора РФ – Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ, в 2010-м – Председателя Следственного комитета РФ. Автор более 100 научных трудов, в которых продолжены научные традиции кафедры. Он бережно относится к памяти своих учителей, являясь продолжателем ленинградской криминалистической школы. В 2006 году им опубликована книга «Научное наследие доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ивана Филипповича Крылова: к 100-летию со дня рождения». Именно Александр Иванович благодаря своей неутомимой энергии смог осуществить мечту профессора Крылова и издать учебник по криминалистике, подготовленный докторами юридических наук – учениками Ивана Филипповича: Г. А. Абдумажидовым, В. С. Бурдановой, И. А. Возгриным, Р. Г. Домбровским, А. В. Дуловым, П. К. Пошюнасом, П. П. Цветковым, А. А. Эксархопуло. Учебник вышел в свет в 2001 году под редакцией А. И. Бастрыкина. Ныне Александр Иванович является профессором кафедры и проводит авторские элективы «Розыск. Дознание. Следствие» и «Доказательства и доказывание», собирая полные лекционные залы студентов.

Доктор юридических наук **Александр Дмитриевич Назаров** – выпускник юридического факультета Красноярского государственного университета (1984), имеет опыт службы в органах прокуратуры, с 1996 года преподавал в Сибирском федеральном университете, являлся заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики, а также руководителем Комиссии по общественному контролю за деятельностью органов внутренних дел, профилактике правонарушений и преступлений Общественного совета ГУ МВД России по Красноярскому краю, председателем Красноярского краевого Общественного комитета по защите прав человека и Общественного совета ГУФСИН России по Красноярскому краю. В диссертационном совете СПбГУ в 2017 году Александр Дмитриевич защитил докторскую диссертацию на тему «Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы». Работает на кафедре с 2022 года, активно ведет научную и педагогическую деятельность по проблематике кафедры, является автором нескольких десятков научных и учебно-методических работ, включая монографии и учебники.

В сфере научных интересов профессора кафедры, кандидата юридических наук **Владимира Дмитриевича Пристанкова** находятся проблемы уголовного процесса, прокурорского надзора и криминалистики. В 1980 году он окончил Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского, работал следователем прокуратуры Петроградского района Ленинграда, старшим следователем следственной части прокуратуры Ленинграда. С 1986 по 1990 год преподавал в Институте усовершенствования следственных работников Генеральной прокуратуры СССР, а затем по 2000-й занимался адвокатской практикой, заведовал юридической консультацией. В 2000 году защитил кандидатскую диссертацию «Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений» и с 2000 по 2007 год заведовал кафедрой прокурорского надзора и уголовного процесса в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Академии Генеральной прокуратуры РФ. На юридическом

факультете СПбГУ работает с 2008 года и за это время стал ведущим специалистом в области криминалистики. В настоящее время является исполняющим обязанности заведующего кафедрой.

Кандидат юридических наук, доцент **Наталья Александровна Сидорова** преподает на юридическом факультете СПбГУ с момента окончания обучения в 1980 году. В 1988-м защитила диссертацию «Судебные издержки в уголовном процессе». Читает лекции и ведет семинарские занятия по курсу «Уголовный процесс» для бакалавров, ведет занятия по дисциплине «Вопросы уголовного процесса в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ» для магистров. В рамках академического обмена читает на английском языке лекции в ведущих китайских вузах на темы «Уголовный процесс России», «Сравнительное правоведение», «Проблемы юридического образования». Успешно сочетает преподавательскую деятельность с экспертной работой, являясь членом Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества (секция по уголовному праву, уголовному процессу, уголовно-исполнительному и административно-уголовному праву). За большие заслуги в образовательной деятельности награждена почетной грамотой Министерства образования РФ, ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Кандидат юридических наук, доцент **Юлия Сергеевна Меркулова** занимается теоретическими, историческими и практическими проблемами адвокатуры и адвокатской деятельности. В 1983 году она окончила юридический факультет ЛГУ, в 1986-м защитила кандидатскую диссертацию и с 1987 года преподает на родном факультете. Ю. С. Меркулова в равной степени успешна как в научно-преподавательской работе со студентами, так и в адвокатской практике. Она заведует адвокатской консультацией, работает в юридическом центре «Адвокат», является членом Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, членом Межведомственной рабочей группы по совершенствованию и мониторингу уголовно-процессуального законодательства при Государственной Думе РФ, официальным представителем Федеральной палаты адвокатов при Государственной Думе РФ. В 2007 году была признана лучшим адвокатом Санкт-Петербурга, награждена Федеральной палатой адвокатов медалью «За защиту прав граждан» и орденом «За верность адвокатскому долгу».

Кандидат юридических наук, доцент **Светлана Петровна Кушниренко** – также выпускница юридического факультета ЛГУ. После окончания вуза десять лет работала следователем прокуратуры Ленинграда, затем преподавала в Санкт-Петербургском юридическом институте Генпрокуратуры РФ (с 1991 по 2009 год). В 1996-м защитила диссертацию «Криминалистическая характеристика и типовые программы расследования хищений чужого имущества путем мошенничества с использованием лжепредприятий». С 2008 года работает на кафедре, много сил отдает работе со студентами, являясь научным руководителем студенческого научного кружка криминалистики и тренером студенческих команд, участвующих в научных и творческих конкурсах. Сферой ее научных интересов является методика расследования преступлений, организация прокуратурой международного сотрудничества.

Кандидат юридических наук, доцент **Сергей Александрович Новиков** работает на кафедре с 2004 года. Он выпускник юридического факультета

СПбГУ, в 2003 году защитил диссертацию «Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России». Занимается вопросами доказательственного права и производства следственных действий. Сергей Александрович награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Кандидат юридических наук, доцент **Антон Георгиевич Харатишвили** имеет многолетний опыт практической работы в правоохранительных органах, с 2015 года преподает на кафедре криминалистику, ведет научные исследования в области уголовного процесса, методики расследования преступлений, теории оперативно-розыскной деятельности. Много времени уделяет работе со студентами – руководит студенческим научным кружком уголовного процесса. В 2008 году защитил диссертацию на тему «Особенности расследования контрабанды наркотиков на первоначальном этапе».

Кандидат медицинских наук **Вадим Вадимович Петров** имеет два образования: медицинское и юридическое. В 1976 году он окончил Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт, работал в Бюро судебно-медицинской экспертизы Ленинградской области. В 1984-м – окончил юридический факультет ЛГУ. В 1989 году в Военно-медицинской академии защитил диссертацию «Горизонтальный диаметр радужки и асимметрия головы при судебно-медицинском отождествлении личности по черепу и прижизненным фотоснимкам». С 1991 года занимается адвокатской практикой, с 1996-го преподает на юридическом факультете СПбГУ судебную медицину и криминалистику, занимается исследованиями в области истории уголовного процесса и криминалистики.

Доцент кафедры, кандидат юридических наук **Вячеслав Юрьевич Низамов** успешно сочетает в своей работе научную, преподавательскую и административную деятельность. В 2002 году он с отличием окончил судебно-следственный факультет Байкальского государственного университета экономики и права и в 2005-м защитил диссертацию на тему «Вопросы теории и практики расследования и раскрытия убийств прошлых лет». Будучи специалистом в области криминалистики, смог успешно реализовать себя и в организации бесплатной юридической помощи, являясь директором Юридической клиники СПбГУ. За вклад в развитие гражданского общества отмечен несколькими ведомственными наградами Министерства юстиции РФ – медалями «А. Ф. Кони» (2022) и «М. М. Сперанский» (2023), а также почетной грамотой Министерства юстиции РФ. Под его руководством Юридическая клиника занимает высшую позицию в рейтинге студенческих клиник России.

Продолжают научную школу уголовного процесса и криминалистики СПбГУ и молодые преподаватели – доценты, кандидаты юридических наук Д. А. Гусаров, Т. М. Алексеева, Ю. А. Истратова, старший преподаватель, кандидат юридических наук А. Г. Тузов, отмеченный за вклад в развитие гражданского общества благодарностью Министерства юстиции РФ (2023), старший преподаватель, практикующий судебно-психиатрический эксперт И. А. Одноколкин, ассистенты кафедры В. В. Захаренкова, О. Ю. Ватутина и К. В. Тарасова.

В настоящее время научные исследования под руководством преподавателей кафедры ведут 10 аспирантов. В 2022 году кандидатские диссертации успешно защитили: А. Г. Тузов на тему «Проверочные производства в уголовном процессе Чешской Республики» (научный руководитель – профессор Н. Г. Стойко); П. А. Каматесов на тему «Освобождение от уголовной ответствен-

ности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма» (научный руководитель – профессор Н. П. Кириллова); А. Г. Трофимик на тему «Уголовно-процессуальный механизм устранения судебных ошибок в апелляции и кассации Германии» (научный руководитель – профессор А. Д. Назаров). В 2023 году по окончании обучения в аспирантуре защитили выпускные квалификационные работы: С. С. Лукьянов на тему «Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса» (научный руководитель – профессор Н. П. Кириллова); К. О. Зиновьев на тему «Ограничение и защита конституционного права собственности при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве» (научный руководитель – профессор Н. П. Кириллова); А. Е. Кузина на тему «Уголовное правосудие с участием народных представителей в континентальном (следственном) уголовном процессе» (научный руководитель – профессор Н. Г. Стойко).

На кафедре реализуются две программы магистратуры по направлениям «Юрист в сфере уголовного судопроизводства» (руководитель – Н. П. Кириллова) и «Адвокатская деятельность» (руководитель – А. Г. Тузов). Также сотрудники кафедры активно принимают участие в преподавании специальных дисциплин в магистратурах по направлениям «Медицинское и фармацевтическое право», «Правовое сопровождение бизнеса», «Уголовное право», а также привлекаются к преподаванию дисциплин по профилю кафедры на факультете психологии и филологическом факультете СПбГУ.

На современном этапе на кафедре сложилась практико-ориентированная школа преподавания с активным использованием инновационных приемов обучения на основе кейс-метода, что обеспечивает получение студентами не только знаний, но и умений и навыков, необходимых в их дальнейшей практической профессиональной деятельности. Кроме учебных дисциплин «Уголовный процесс» и «Криминалистика» осуществляется преподавание авторских элективных курсов по проблематике кафедры: «Прокурорский надзор», «Судебная медицина», «Судебная психиатрия», «История и теория адвокатуры», «История уголовного процесса России», «Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации», «Оперативно-розыскная деятельность», «Проблемы судебной экспертизы», «Международные стандарты деятельности прокуратуры. Прокуратура РФ как субъект международного сотрудничества», «Меры принуждения в уголовном процессе», «Экстраординарные производства в российском уголовном процессе», «Розыск. Дознание. Следствие», «Доказательства и доказывание», «Современные технико-криминалистические средства», «Проблемы расследования коррупционных преступлений: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты».

Популяризации уголовно-процессуальной и криминалистической науки в студенческой среде способствует и активная работа студенческих научных кружков по уголовному процессу и криминалистике, заседания которых неизменно собирают широкую аудиторию. С появлением высокотехнологичных способов удаленных коммуникаций появилась возможность для онлайн-общений со студентами различных вузов России и ближнего зарубежья, поэтому у студентов вызывают огромный интерес совместные заседания СНК криминалистики, которые проводились с участием МГУ, Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Восточно-Сибирского института МВД, Белорусского государственного университета и др. Члены кружка еже-

годно принимают активное участие в проводимой на факультете Международной студенческой конференции ISLACO, а также в межвузовских конференциях. С 2017 года команда СПбГУ (тренер – С. П. Кушниренко) систематически участвует в Международном кинофестивале студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след» имени профессора В. К. Гавло, проводимом Новосибирским юридическим институтом – филиалом Томского государственного университета, где занимает призовые места. В 2023 году на I Международном кинофестивале учебных видеофильмов «КримFest», проведенном Сибирским юридическим институтом МВД России, команда заняла первые места сразу в четырех номинациях. Способствует развитию интереса студентов к уголовному процессу и криминалистике и участие в межвузовских олимпиадах и конкурсах, где команды СПбГУ демонстрируют высокий уровень подготовки и занимают призовые места. Так, в 2022 и 2023 годах команда СПбГУ стала победителем во II и III Международных конкурсах имени Ю. Д. Лившица, проводимых в форме модельных судебных процессов в Челябинске (тренер – А. Г. Тузов).

Преподаватели кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ стремятся к продолжению научных и образовательных традиций, заложенных их предшественниками, и стараются передавать свои знания и опыт молодым научным кадрам и студентам. Одним из выражений преемственности можно считать традицию проведения на протяжении 15 лет научно-практической конференции «Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ», на которой ученые и практики не только обсуждают наиболее острые и актуальные проблемы современности, но неизменно вспоминают труды и идеи выдающихся универсантов, создавших славу юридическому факультету в области уголовного процесса и криминалистики.

Авторы-составители:

В. Д. Пристансков, кандидат юридических наук,

Н. Г. Стойко, доктор юридических наук,

С. П. Кушниренко, кандидат юридических наук,

В. В. Петров, кандидат медицинских наук,

О. В. Анисимов, кандидат исторических наук

**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

УДК 343

А. И. Александров

**СУД НА «РАССУД» ИЛИ «ОСУД»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕКТОРАХ РАЗВИТИЯ ПРАВОСУДИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Анализируются существующие векторы развития отечественного правосудия по уголовным делам. Затрагиваются вопросы определения роли суда в современном российском уголовном процессе, действия принципов состязательности сторон и презумпции невиновности, укрепления независимости судей и суверенитета отечественной судебной системы. Автор высказывается за сокращение сферы применения особого порядка судебного разбирательства и дальнейшее развитие суда присяжных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правосудие по уголовным делам, состязательность сторон, презумпция невиновности, независимость судей, суд присяжных.

**TRIAL TO JUDGE OR TO CONVICT:
REFLECTIONS ON THE VECTORS OF CRIMINAL JUSTICE
DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA**

The article is devoted to the analysis of the existing vectors of domestic criminal justice development. The issues of determining the court role in modern Russian criminal process, the principles of the adversarial system and the presumption of innocence, strengthening the independence of judges and the sovereignty of the domestic judicial system are touched upon in the article. The author speaks in favor of reducing the scope of the special order in trial and further development of the jury trial.

К e y w o r d s: criminal justice, adversarial nature of the parties, presumption of innocence, independence of judges, jury trial.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Концепция судебной реформы в нашей стране, одобренная высшим законодательным органом России в октябре 1991 г., задавала определенные ориентиры дальнейшему реформированию уголовного судопроизводства в новом, демократическом обществе. В числе главных целей называлось превращение юстиции из карательной в правоохранительную, для чего предстояло правильно определить назначение суда и поставить перед ним задачи в соответствии с возможностями и истинной природой правосудия¹. Интересно выяснить, насколько к настоящему времени достигнута заявленная цель и какие векторы

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Александров А. И., 2024

развития сегодня, по прошествии более трех десятков лет с момента принятия Концепции, свойственны для правосудия по уголовным делам.

Конечно, предполагаемый объем настоящей работы не позволит дать подробный и исчерпывающий анализ всех предпринятых шагов, преодоленных препятствий и выявленных проблем. Отметим лишь, что за прошедший период судопроизводство по уголовным делам в России проделало впечатляющий путь. Достичь удалось многого: модернизирована судебная система, укреплена реальная независимость судей², появились новые и возрождены прежние демократические институты (суд присяжных, мировой суд), принято новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Однако реформирование все еще не завершено. По свидетельству ученых, современное правосудие в России – это «постоянный поиск оптимальной модели организации судебной власти, которая требует наличия научно обоснованных и качественно выверенных отечественной и зарубежной практикой законопроектов, обеспеченных волей к реформам политического руководства страны, органов государственной, исполнительной и законодательной власти, наконец, общественных (правозащитных) организаций и прежде всего российских граждан»³. Ниже мы, хотя бы тезисно, рассмотрим те вопросы, которые по-прежнему находятся в центре внимания законодателей, правоприменителей и ученых.

Первый – главнейший! – вопрос касается роли суда в современном российском уголовном процессе. Сегодня суд избавился от обвинительной функции, имевшейся у него в советские времена, и это, безусловно, правильно; поддержание уголовного преследования – функция стороны обвинения.

При этом важно, что суд не превратился в простого регистратора победителя в судебном поединке. Анализ тенденций последних лет позволяет утверждать, что российский законодатель во многом разочаровался в модели «пассивного суда» и постепенно склоняется к наделению его достаточно широкими полномочиями⁴. Эта тенденция нашла выражение, в частности, в предоставлении суду возможности по собственной инициативе возратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления⁵. Такой подход выглядит оправданным, поскольку активный суд – это важнейшее условие вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора; именно такое понимание роли суда характерно для исторически гораздо более близкой нам кон-

² См. об этом также: Шабанов П. Н. Независимость судебной власти по Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. : от идеи к ее реализации // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 2–3. С. 135–140.

³ Фоков А. П. Правосудие в России в условиях судебной реформы // Российский судья. 2010. № 2. С. 2.

⁴ См. также: Александров А. И. Уголовный процесс России – вчера и завтра // Закон и власть. 2021. № 1. С. 63–65.

⁵ Кириллова Н. П., Смирнова И. Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 120.

тинентальной уголовно-процессуальной модели⁶. По верному наблюдению Л. В. Головки, европейская система, в отличие от американской, признает «социальное измерение уголовной юстиции и исходит из того, что государство и его представители должны выполнять активную регулирующую функцию, поддерживая социальный баланс и позволяя сгладить, во-первых, априорное неравенство правоохранительной машины и обвиняемого, а во-вторых, имущественное неравенство уже самих обвиняемых, далеко не всегда способных оплачивать лучших экспертов или командировки адвокатов по стране в поисках доказательств»⁷.

Вообще, состязательность сторон в суде при рассмотрении уголовных дел может быть двух типов. Первый – когда в споре рождается истина; при этом типе состязательности участники процесса внимательно, активно и всесторонне изучают собранные доказательства для достоверного установления обстоятельств дела. Второй – когда состязание напоминает спортивный поединок, где судья, отстранившись, подсчитывает «очки», добытые участниками по определенным правилам, и объявляет победителем одного из них (прокурора или адвоката), причем прокурор тогда заботится не об «истине», а о «победе». Но если в первом случае судья служит правосудию и устанавливает истину и виновного, то во втором – оценивает некое соревнование и констатирует результат. И то и другое состязание, но цели и задачи у них разные.

Еще одна важнейшая задача, поставленная в начале реформы по трансформации юстиции из карательной в правоохранительную, – преодоление «обвинительного уклона» у судей, причины которого, по утверждению ведущих правоведов нашей страны, порождены «слишком тесной связью суда и органов следствия»⁸. Более того, исходя из закрепленного в России на конституционном уровне принципа презумпции невиновности, в суде должен царить не обвинительный, а оправдательный уклон! Судье следует бояться не вынесения оправдательного приговора, а осуждения невиновного! При этом количество обвинительных приговоров может приближаться к 100 %, дело совсем не в этом. Оправдательный уклон – это когда судья в каждом подсудимом в начале процесса видит невиновного и желает его оправдать, требуя от прокурора серьезных, объективных доказательств вины, а от адвоката – ответственной работы по критическому анализу доказательств обвинения и предоставлению доказательств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. И только если судья в результате тщательно проведенного разбирательства не нашел возможности оправдать подсудимого и достоверно установил

⁶ См.: Стойко Н. Г. Вектор развития российского уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : вопросы теории и практики : материалы XXI междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск, 2018. С. 13.

⁷ Головки Л. В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам : исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 г.) / под ред. Н. Г. Стойко. СПб., 2015. С. 53.

⁸ На это, в частности, прямо указал Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. См.: Правосудие в России должно избавиться от карательного уклона // РИА Новости. 2011. 3 марта. URL: <https://ria.ru/20110303/341659704.html> (дата обращения: 23.08.2023).

его вину, он, скрепя сердце, выносит обвинительный приговор. Суд, таким образом, должен стремиться «рассудить», а не «осудить».

Показательно, что по оценке Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева, к настоящему времени обвинительный уклон в российских судах больше не доминирует⁹. И хотя с такой радужной оценкой соглашаются далеко не все правоприменители и ученые¹⁰, даже сами регулярные обращения к этой теме на столь высоком уровне должны служить для судей определенным правильным ориентиром и укреплять отмеченную тенденцию.

Затронув принцип презумпции невиновности, нельзя не отметить необходимость предоставления подсудимым твердых гарантий обеспечения их права на защиту, в том числе во время судебных процессов. Между тем реализацию этого права может серьезно затруднить нахождение в металлической клетке, куда на период судебного разбирательства помещается содержащийся под стражей подсудимый. Человек, еще не признанный виновным, при исследовании доказательств и обсуждении вопросов, представляющих для него жизненно важный интерес, не может своевременно проконсультироваться с защитником; кроме того, состав суда и публика психологически невольно начинают воспринимать его как заведомого преступника. Поэтому обоснованным представляется предложение дополнить ст. 9 УПК РФ запретом помещать подсудимых в защитные кабины в процессуальной зоне залов судебных заседаний, а также использовать иные конструкции, препятствующие общению указанных лиц с защитником (соответствующий законопроект № 587542-7 внесен в Государственную Думу РФ)¹¹.

Следующий вопрос, требующий рассмотрения, – существование так называемого особого порядка судебного разбирательства, при котором обвинительный приговор выносится безо всякого непосредственного исследования собранных доказательств в ходе судебного следствия, достаточно согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. При таком порядке процедура справедливого судебного разбирательства приносится в жертву процессуальной экономии, что, разумеется, может привести к судебной ошибке. Поразительно, но в начале XXI в. правоведы нашей страны вновь получили веский повод говорить о возврате к абсолютизации признания вины в уголовном процессе¹², причем тенденция расширения применения особого порядка «набрала ход» настолько, что такой порядок практически превратился в основной.

⁹ Вячеслав Лебедев опроверг позицию об обвинительном уклоне правосудия // Адвокатская газета. 2017. 28 февр. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vyacheslav-lebedev-oproverg-pozitsiyu-ob-obvinitelnom-uklone-pravosudiya/> (дата обращения: 23.08.2023).

¹⁰ См. об этом также: Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем Российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. М., 2015. С. 93–103. URL: <https://www.iaaj.net/node/1781> (дата обращения: 23.08.2023).

¹¹ Подробнее см.: Александров А. И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России : актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8. С. 16–18.

¹² См.: Новиков С. А. Собственное признание вины – «regina probationum» современного российского уголовного процесса? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2. С. 159–171.

Отрадно, что законодатель услышал критику ученых и правоприменителей и, сломав негативную тенденцию, пошел на сокращение сферы применения особого порядка, однако сделанного по-прежнему недостаточно (например, при заключении так называемого «досудебного соглашения о сотрудничестве» обвиняемого с прокурором особый порядок судебного разбирательства сохранен даже по уголовным делам об особо тяжких преступлениях!)¹³.

Переходя к другим векторам развития отечественного судопроизводства, отметим продолжающиеся серьезные шаги по укреплению независимости суда. Причем сказанное относится не только к конкретным судьям, но и к российской судебной системе в целом. Речь идет о последовательно проводимой политике укрепления суверенитета России, в том числе в вопросах судопроизводства. Вначале Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции России при исполнении решений ЕСПЧ (Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П). В последующем Россия и вовсе вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ. Поясняя причины выхода, Президент России В. В. Путин заметил: «Предвзятость, пристрастность, чем бы они ни оправдывались, для судебной власти в любом случае абсолютно неприемлемы»; при этом, по мнению Президента, «выход России из ЕСПЧ не повлияет на защиту прав граждан, поскольку российская судебная система способна их защитить»¹⁴.

Переходя к вопросу обеспечения принципа независимости самих судей, подчеркнем, что одним из значимых факторов этого является появившаяся автоматизированная информационная система распределения уголовных дел (ч. 1 ст. 30 УПК РФ), призванная снизить возможность выбора «удобного» судьи. Исследователи отмечают, что применение такой системы должно обеспечить не только «транспарентность в распределении дел, исключив фактор заинтересованности при формировании состава суда», но и равномерность, за счет которой достигается «эффективность судебной организации посредством управления судебной нагрузкой»¹⁵.

Затронув вопрос о применении научно-технических средств в работе суда, положительно оценим и другие внедренные нововведения: возможность участия в судебном разбирательстве посредством систем видео-конференц-связи (ст.ст. 241.1, 281.1 УПК РФ), ведение аудиопотоколирования (ст. 259 УПК).

Следующий момент, обративший на себя внимание: весьма широкое усмотрение суда при определении наказаний (например, санкции за некоторые виды хищений колеблются в пределах от двух месяцев до десяти лет!), причем суду вообще предоставлено право изменять категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Полагаем, что очерченные законодателем рамки должны быть более строгими. Схожую точку зрения высказал по этому вопросу К. Б. Калиновский, заявивший о проблеме назначения и освобождения от

¹³ См.: Новиков С. А. Сокращение особого порядка судебного разбирательства : «начало движения» или «конец маршрута»? // Российский судья. 2020. № 10. С. 23–24.

¹⁴ Владимир Путин призвал судей надежно защищать права и свободы россиян // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/32143/ (дата обращения: 23.08.2023).

¹⁵ Капустин О. А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. 2019. № 1. С. 129–130.

наказания, поскольку «коррекция уголовного наказания <...> осуществляется несправедливо. Слишком велико усмотрение судей при назначении конкретного наказания. Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный закон не дает четких критериев назначения (снижения) наказания. <...> Между тем требования принципа верховенства права, предполагающего защиту от произвольных действий суда, должны обеспечиваться и при определении наказания»¹⁶.

Наконец, затронем еще одну серьезную тенденцию: поиск оптимальных форм и механизмов обеспечения права граждан участвовать в отправлении правосудия (ст. 32 Конституции РФ). Автор, являясь горячим сторонником возрожденного в нашей стране суда присяжных, убежден в необходимости дальнейшего последовательного укрепления этого яркого демократического института. В других работах¹⁷, мы подробно рассматривали его «плюсы» и «минусы», а сейчас повторим лишь, что нам не следует бояться суда присяжных, а надо воспитывать самих присяжных; необходимо, чтобы в общественное сознание вновь возвращалось уважение к правопорядку, законности, общечеловеческим ценностям. Исполнение присяжным своих обязанностей должно из нежелательного бремени превратиться в по-настоящему почетную работу, надлежащее выполнение которой всячески поощряется государством и обществом.

Сегодня правоприменители отмечают определенные сложности функционирования суда присяжных, начинающиеся уже с процесса формирования коллегии по конкретному делу. Российские судьи сталкиваются с массовыми неявками приглашаемых граждан, чего судьи в США, например, едва ли могут себе представить. Очевидно, это стало одной из причин сокращения числа присяжных, образующих коллегию в современном российском процессе: всего шесть человек в районном суде и всего восемь – в суде областном. Вряд ли такое сокращение можно приветствовать; коллегия утрачивает определенную репрезентативность, а также резко увеличивается возможность незаконного влияния на присяжных для обеспечения выгодного стороне вердикта.

Кроме того, продолжается поиск оптимальной подсудности суда присяжных, подтверждением чему может служить состоявшееся в декабре 2008 г. исключение из компетенции суда присяжных ряда уголовных дел (например, о таких преступлениях, как террористический акт, захват заложников, государственная измена)¹⁸. Нуждаются в совершенствовании также процедурные вопросы производства в суде присяжных; например, требуется разработать более гибкий механизм конфиденциального обсуждения сторонами и судом вопроса о допустимости доказательств, чтобы это не создавало лишних неудобств присяжным заседателям.

Однако даже сегодня, по утверждению авторов специальных исследований, несмотря на нередко присутствующие недостатки качественного состава

¹⁶ Калиновский К. Б. Указ. соч.

¹⁷ См., например: Александров А. И. Участие граждан в производстве по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Российский судья. 2012. № 11. С. 14–18.

¹⁸ Такое ограничение подсудности суда присяжных юристами воспринято неоднозначно. См.: Быков В. М. Причины вынесения присяжными заседателями необоснованных оправдательных вердиктов // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 47–48; Фоков А. П. Правосудие с участием граждан в России // Российский судья. 2009. № 8. С. 3–4.

коллегии присяжных заседателей, среди которых главнейшим является низкий уровень их образованности, участие представителей народа в отправлении правосудия способствует более тщательному исследованию судом обстоятельств, подлежащих доказыванию¹⁹.

Подчеркнем, однако, что суд присяжных не единственная приемлемая форма участия населения в отправлении правосудия. Как представляется, институт народных заседателей, существовавший в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий, был слишком поспешно отвергнут в ходе судебной реформы. Полагаем правоприменителям и ученым нужно вернуться к обсуждению вопроса о его возрождении²⁰.

Таковы, на наш взгляд, наиболее актуальные вопросы отправления правосудия по уголовным делам, скорейшее решение которых должно рассматриваться в качестве приоритетов продолжаемой в России судебной реформы. И тогда, действительно, в российских судах воцарятся правда и милость!

*Санкт-Петербургский государственный университет
Александров А. И., главный научный сотрудник
Института государства и права РАН,
в период с 1998 по 2021 г. – заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор*

*Saint Petersburg State University
Alexandrov A. I., Chief Researcher of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
1998–2021 – the Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department,
Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: san33@mail.ru*

¹⁹ См.: Тисен О. Н. К вопросу о способности присяжных заседателей решать фактические обстоятельства уголовного дела // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 60.

²⁰ См.: Карбанова Т. Н., Махов В. Н. Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2011. С. 153–160.

НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА П. С. ЭЛЬКИНД НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Анализируются работы и научные взгляды П. С. Элькинд и других представителей ленинградской научной школы на дифференциацию уголовно-процессуальной формы и ее значение для обеспечения уголовно-процессуальных гарантий. Обосновывается необходимость взвешенного подхода к распространению упрощенных уголовно-процессуальных форм с учетом рисков нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная форма, упрощенные производства, уголовно-процессуальные гарантии.

THE SCHOLARLY VIEW OF PROFESSOR P. S. ELKIND ON THE DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL FORM AND MODERNITY

The works and scholarly views of P. Elkind and other representatives of the Leningrad scientific school on the differentiation of the criminal procedural form and its significance for providing criminal procedural guarantees are analyzed. The necessity of a balanced approach to the dissemination of simplified criminal procedure forms is grounded, taking into account the risks of violation of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

K e y w o r d s: criminal proceedings, criminal procedural form, summary proceedings, criminal procedural guarantees.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

В советский период развития науки уголовно-процессуального права к совершенствованию уголовно-процессуальных форм подходили с большой осторожностью. Консерватизм в этом значимом для следственной и судебной практики вопросе был характерен не только для отечественного, но и зарубежного законодателя. Тем не менее, необходимость развития уголовно-процессуальной формы не отрицалась научным сообществом того времени. В частности, по мнению профессора П. С. Элькинд, система уголовного судопроизводства не была безупречной и нуждалась в совершенствовании. Свои научные взгляды на дифференциацию уголовно-процессуальной формы она достаточно подробно изложила в работе «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве», изданной в 1976 г. в издательстве Ленинградского государственного университета. В этой работе автор рекомендовала закрепление дополнительных процессуальных гарантий по делам несовершеннолетних, душевнобольных, лиц с физическими недостатками, лишаящими их возможности самостоятельно осуществлять свое право на защиту, лиц, не владеющих языком судопроизводства, которое, по ее мнению, вполне правомерно, поскольку обусловлено сообра-

жениями высокогуманного характера. Она обоснованно предвидела, что система таких гарантий будет в дальнейшем расширяться и совершенствоваться¹.

В приведенной работе Полина Соломоновна Элькинд анализирует дискуссию, которая развернулась в научных изданиях относительно единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, а также относительно необходимости упрощения процессуальных форм. Основной вопрос дискуссии заключался в том, стоит ли законодателю идти по пути распространения упрощенных форм или, напротив, сохранять единство уголовно-процессуальной формы.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 1 УПК РСФСР 1960 г. установленный уголовно-процессуальным законом порядок судопроизводства являлся единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, что, с точки зрения Полины Соломоновны, означало незыблемость основных принципов уголовного процесса, системы основных прав и гарантий личности, в том числе на полное, всестороннее и объективное расследование и судебное рассмотрение уголовных дел².

Анализируя публикации, посвященные указанной дискуссии, П. С. Элькинд отмечала, что многие авторы высказывались за упрощение уголовно-процессуальной формы. Ленинградская школа уголовного процесса в лице П. С. Элькинд, В. З. Лукашевича, Н. П. Грабовской, С. И. Катькало и других авторов поддерживали, например, упрощение уголовно-процессуальной формы по делам частного обвинения, отмечая особенности этих категорий дел в сфере защиты личной свободы и усмотрения потерпевших³. В то же время, в научном сообществе было немало сторонников упрощенных уголовно-процессуальных форм. В качестве критериев дифференциации предлагались, такие как «ясность дела», «очевидность» преступления, «меньшая общественная опасность деяния», «простота» расследования и судебного разбирательства. Отдельные представители научного сообщества считали возможным отказаться от предварительного расследования по делам об очевидных, ясных преступлениях, а также по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Предлагалось, например, расширить право суда на изменение обвинения без направления дела для производства дополнительного расследования в сторону, ухудшающую положение обвиняемого. В качестве аргументов расширения суммарных производств приводились соображения процессуальной экономии, необходимости снижения нагрузки следственных и судебных работников, а также другие аргументы. При этом авторы указывали, что упрощение процессуальных форм

¹ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 84–85.

² Там же. С. 69.

³ См.: Грабовская Н. П., Элькинд П. С. К вопросу о делах частного обвинения // Ученые записки Ленинградского ун-та. 1956. № 8 ; Элькинд П. С., Лукашевич В. З., Катькало С. И. Некоторые особенности судопроизводства по делам частного обвинения в связи с задачей предупреждения преступности // Преступность и ее предупреждение. Л., 1971.

не нарушает основных принципов уголовного процесса и не снижают уголовно-процессуальные гарантии прав личности⁴.

П. С. Элькин, не отрицая целесообразность закрепления упрощенных судопроизводств в обоснованных случаях, например, по делам частного обвинения, подвергала критике выдвигаемые критерии формирования суммарных форм судопроизводства, считая их неоправданными как с теоретической, так и с практической точек зрения, а также не соответствующими требованию этичности уголовно-процессуальных средств. С ее точки зрения они неизбежно ограничивают процессуальные гарантии правосудия, а представление уголовных дел в качестве «простых», «ясных» и «очевидных» еще до их расследования и судебного разбирательства не этично, как и презюмирование подсудимого виновным до вынесения приговора. Дела, которые представляются простыми, ясными и очевидными, оказываются не такими после их тщательного и всестороннего расследования и судебного рассмотрения. Этот тезис был проиллюстрирован автором примерами из следственной и судебной практики. По ее мнению, не соответствует нормам нравственности и иерархии социальных ценностей обоснование необходимости расширения суммарных производств стремлением освободить следственных и судебных работников от избыточной нагрузки. Казалось бы, логичен вывод о разрешении такого рода практических трудностей путем увеличения числа следователей и судей, но отнюдь не путем сокращения процессуальных гарантий правосудия, прав и гарантий личности. С ее точки зрения для достижения целей уголовного процесса экономичными являются такие формы судопроизводства, которые обеспечивают достижение этих целей при минимальной затрате сил, энергии и времени всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, экономичность – не самоцель, а средство обеспечения наилучших результатов в достижении поставленных целей. В той мере, в какой неправомерно стремление к достижению желаемой цели путем использования любых средств, не правомерно и отрыв средств от целей, переоценка средств, рассмотрение вопроса об их допустимости вне органической связи с соответствующими целями. Превращение экономичности в самоцель, сведение ее роли и значения только к скорости и оперативности уголовного судопроизводства могут нанести серьезный урон делу правосудия. Профессор П. С. Элькин считала, что о степени экономичности форм уголовного судопроизводства можно судить не иначе, как в соотношении с задачами советского уголовного процесса. Отсюда возникал вопрос о том, всегда ли понятие экономичности совпадает с понятием упрощения и ускорения форм уголовного судопроизводства. Вывод автора – не всегда. Более того, упрощение может лишить эти формы свойства экономичности и оказаться тормозом на пути к оптимальному познанию объективной истины, как и достижению других целей уголовного процесса⁵.

Аргументы, касающиеся опасности непродуманного внедрения в уголовный процесс упрощенных производств, и высказанные в советский период развития науки уголовного процесса, целесообразно учитывать и в настоящее

⁴ См.: Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 71–72.

⁵ См.: Там же. С.78–79.

время, когда дифференциация уголовно-процессуальной формы активно развивается.

Выбор эффективных процессуальных форм и их совершенствование является важным фактором не только противодействию преступности, но и фактором защиты законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

В период проведения судебной реформы в Российской Федерации усилилась дифференциация уголовно-процессуальной формы. Появились новые усложненные процессуальные формы, предусматривающие дополнительные процессуальные гарантии. С 1994 г. началось внедрение судопроизводства с участием присяжных заседателей. Со временем подсудность суда присяжных расширилась. В настоящее время уголовные дела с участие присяжных заседателей рассматривают не только суды субъектов Российской Федерации, но и районные суды.

Руководствуясь, главным образом, соображениями процессуальной экономии законодатель увеличил количество упрощенных производств. Наряду с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ) и особым порядком принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвинением (глава 40.1 УПК РФ), появилось дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), а также производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности (глава 51.1 УПК РФ).

Если раздел 10 УПК РФ, регламентирующий Особый порядок судебного разбирательства, предусматривает полноценное предварительное расследование, а упрощенная форма касается только рассмотрения дела судом первой инстанции, то дознание в сокращенной форме и производство с назначением судебного штрафа предполагают упрощенное производство как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. Такие уголовно-процессуальные конструкции несут в себе риск нарушения прав участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, нарушения прав обвиняемого.

В период действия УПК РСФСР 1960 г. законодатель уже попытался внедрить так называемую «протокольную форму» предварительного расследования по делам, на представляющим большой общественной опасности (раздел 9 УПК РСФСР 1960 г.). Данная форма просуществовала четыре года и была признана неэффективной.

Дознание в сокращенной форме является еще одной попыткой, теперь уже современного законодателя, упростить судопроизводство в целях экономии ресурсов правоохранительных органов.

Современные исследователи этой уголовно-процессуальной формы справедливо отмечают ее недостатки, требующие компенсационных механизмов. Отмечается, что при осуществлении предварительного расследования в форме сокращенного производства имеет место ограничение действия, например, принципа публичности, заключающееся в процессуальной экономии, сокращении материальных, технологических, финансовых и других затрат, что в опре-

деленной степени начинает доминировать над качественным и эффективным производством по уголовным делам, ставя при этом интересы государства выше личностных интересов; ограничение действия принципа состязательности в силу того, что в условиях сокращенного производства фактически отсутствует спор между сторонами обвинения и защиты, что влечет констатацию судом факта противоправного деяния и отсутствие сомнения в виновности лица, поскольку факт совершенного им преступления никем не оспаривается; ограничение принципа презумпции невиновности, что вступает в определенное противоречие со ст. 49 Конституции Российской Федерации, которая указывает, что обвиняемый в совершении преступления признается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в установленном федеральным законом порядке. Однако суть сокращенного производства состоит в упрощении условий и действий, на основании которых лицо может быть признано виновным, что снижает уровень действия презумпции невиновности⁶.

В целях компенсационного механизма предлагается, например, расширить полномочия прокурора при осуществлении надзора законностью сокращенного дознания⁷.

В качестве совершенствования правового регулирования рассматриваемой уголовно-процессуальной формы предлагается также, с учетом законодательно закрепленных в части третьей ст. 226.5 УПК РФ особенностей собирания доказательств, позволяющих признавать в качестве последних объяснения лиц, исследования специалистов, иные сведения, содержащиеся в материалах доследственной проверки, без производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий, рассматривать уголовное дело, расследованное с применением упрощенной уголовно-процессуальной формы дознания, не в особом, а в общем порядке. Это позволит подсудимому дать показания по существу обвинения, сформулированного дознавателем, тем самым повысит уровень обеспечения прав обвиняемого на защиту⁸.

Мы абсолютно согласны с этим предложением, которое, к сожалению, до настоящего времени не реализовано законодателем, поскольку упрощенные процедуры предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела не позволяют полно и всесторонне установить все элементы предмета доказывания, а значит не гарантируют вынесения законного и обоснованного приговора.

Сокращенное предварительное расследование и упрощенное судебное разбирательство характерно и для производства о применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (глава 51.1 УПК РФ).

Деятельность органов предварительного расследования и суда в порядке, предусмотренном главой 51.1 УПК РФ, имеет двойственную правовую природу

⁶ См.: Губарев И. С. Теоретико-правовая модель сокращенного досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 14.

⁷ См.: Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 12–14.

⁸ См.: Журавлева Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе : проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. С. 12, 19.

и может осуществляться в двух различных формах. Первая форма предусматривает полноценное предварительное расследование, завершаемое составлением обвинительного заключения (акта, постановления), которое утверждается прокурором и направляется в суд для разрешения дела по существу. Суд вправе прекратить дело и назначить обвиняемому судебный штраф или вынести приговор или иное итоговое судебное решение. В этом случае при рассмотрении уголовного дела суд руководствуется общими условиями судебного разбирательства, обеспечивающими обвиняемому, потерпевшему и другим участникам процесса все процессуальные гарантии. Эта процедура предусмотрена ст. 446.3 УПК РФ.

Вторая форма предусматривает возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования еще на стадии предварительного расследования при его не полном завершении. В соответствии со ст. 446.2 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора, при наличии предусмотренных в ст. 25.1 УПК РФ оснований, вправе обратиться в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа. В этом случае суд в порядке ст. 446.2 УПК РФ рассматривает это ходатайство в упрощенной форме. Указанная форма наиболее распространена в следственной и судебной практике.

Исследователи процедуры судопроизводства с назначением судебного штрафа обращают внимание на то, что правовое регулирование предварительного расследования и судебного рассмотрения ходатайств следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела в порядке ст. 446.2 УПК РФ имеет существенные недостатки, которые находят свое выражение в том, что и предварительное расследование является сокращенным, и судебное разбирательство проводится в упрощенной уголовно-процессуальной форме. Такое уголовно-процессуальное регулирование существенно снижает процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства и способствует возникновению следственных и судебных ошибок.

В некоторых исследованиях предлагается усовершенствовать процедуру предварительного расследования и судебного разбирательства в нескольких направлениях. Деятельность органов предварительного расследования в порядке ст. 446. 2 УПК РФ должна завершаться итоговым постановлением только после предъявления обвинения, если расследование уголовного дела осуществлялось в форме следствия. При расследовании в форме дознания, когда обвинение не предъявлялось, предварительное расследование в отношении подозреваемого должно быть проведено в полном объеме и только после этого завершаться итоговым постановлением, содержащим соответствующее ходатайство, обращенное к суду. С момента вынесения этого постановления подозреваемый должен получить статус обвиняемого. Кроме того, до вынесения итогового постановления необходимо предусмотреть право сторон на ознакомление с материалами уголовного дела и заявление соответствующих ходатайств, которые, в случае их обоснованности, подлежат удовлетворению. Предлагается также расширить полномочия прокурора как главы уголовного преследования при осуществлении надзора за расследованием уголовных

дел в форме предварительного следствия, которые подлежат прекращению с назначением судебного штрафа. Его целесообразно наделить правом утверждать итоговое постановление не только дознавателя, но и следователя, а также правом направлять его в суд для рассмотрения и принятия решения по существу⁹.

Приведенные предложения заслуживают поддержки. Представляется, что окончание предварительного расследования без формулирования обвинения на стадии предварительного расследования и направление дела в суд в отношении подозреваемого, как это предусмотрено в ст. 446.2 УПК РФ, не гарантирует вынесения законного и обоснованного приговора и может нарушать права участников уголовного судопроизводства.

Упрощение уголовно- процессуальной формы, являющееся характерной, и даже в некоторых случаях необходимой чертой современной уголовно- процессуальной политики государства, должно быть для законодателя взвешенным решением, учитывающим результаты научных исследований, историю следственной и судебной практики. Правовые конструкции необходимо соотносить с основными принципами уголовного процесса и с решением задач уголовного процесса.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кириллова Н. П., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Kirillova N. P., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: kirillova59@mail.ru*

⁹ См.: Каматесов П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно- процессуальная форма : дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2022. С. 12.

ПРЕЮДИЦИАЛЬНАЯ СИЛА ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖЕЙ И РОССИЙСКИХ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОИЗВОДСТВУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Рассматриваются вопросы межотраслевой преюдиции, вытекающие из ст. 90 УПК РФ. На основе анализа законодательства и решений Конституционного Суда РФ выделяется ряд признаков действия межотраслевой преюдиции в уголовном процессе и формулируется вывод о равной преюдициальной силе решений российских арбитражных судов и иностранных арбитражей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: преюдиция, уголовное судопроизводство, решения иностранных арбитражей, российские арбитражные суды, решения арбитражей и судов.

THE PREJUDICIAL FORCE OF FOREIGN ARBITRATIONS AND RUSSIAN ARBITRATION COURTS IN RELATION TO CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the issues of intersectoral prejudice arising from Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Based on the analysis of legislation and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author identifies a number of signs of intersectoral prejudice in criminal proceedings and formulates a conclusion on the equal prejudicial force of decisions of Russian arbitration courts and foreign arbitrations.

К е y w o r d s: prejudice, criminal proceedings, foreign arbitral awards, Russian arbitration courts, arbitral awards and courts.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Вопрос о преюдициальной силе иностранных арбитражей и российских арбитражных судов лежит в плоскости закрепленного в действующем законодательстве правила доказывания, именуемого межотраслевой преюдицией¹.

Толкование и применение данного правила в целом единообразно для всех существующих в Российской Федерации видов судопроизводства: от доказывания в одном виде судопроизводства освобождаются обстоятельства, доказанные ранее вступившим в законную силу судебным актом (окончательным решением) в другом виде судопроизводства (ст. 90 УПК РФ, ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ). Такие обстоятельства принято называть преюдициальными фактами, а решение суда, которым они подтверждены, – актом, обладающим свойством преюдициальности и имеющим преюдициальную силу².

¹ О понятии преюдиции, в том числе межотраслевой, см.: *Смирнов А. В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе : монография. М., 2018. С. 226–234 ; *Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки.* 3-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 491–500.

² См., например: *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред.: И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская.* М., 2011. С. 207–209 ; *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред.:*

© Стойко Н. Г., 2024

Правовой смысл комментируемого правила выражен в ряде решений Конституционного Суда РФ³ и состоит применительно к уголовному судопроизводству в следующем.

В соответствии со ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Более того, в силу ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» такое судебное решение обязательно для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, граждан, организаций и подлежит неукоснительному исполнению на территории Российской Федерации, то есть является окончательным решением.

Именно поэтому правовая оценка определенных обстоятельств органами предварительного расследования, прокуратуры и суда, выраженная в принимаемых им процессуальных решениях по уголовному делу (начиная с решения о его возбуждении) не может входить в противоречие с правовой оценкой тех же обстоятельств в уже состоявшемся окончательном решении по арбитражному или иному судебному делу.

Это значит, что такие обстоятельства считаются установленными и органы, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны относиться к ним как к уже доказанным обстоятельствам (преюдициальным фактам), которые они проверять не вправе (не должны и не могут). В противном случае уголовно-процессуальные решения этих органов будут являться незаконными в силу прямого нарушения ими ст. 90 УПК РФ (во взаимосвязи со ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»).

Очевидно, что преюдициальность обстоятельств, установленных в арбитражном или ином судебном процессе, является логическим следствием презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу. Вот почему эти обстоятельства юридически рассматриваются в качестве обстоятельств объективной действительности, вне зависимости от того, вызывают ли они в рамках уголовного дела у суда, прокурора, следователя или дознавателя сомнения или нет.

При этом преюдициальность судебного решения и его преюдициальная сила по гражданскому и арбитражному делу имеют свои пределы. Преюдициальные факты могут быть опровергнуты (решение пересмотрено), но только в

В. Т. Томиц, М. П. Поляков. М., 2014. С. 269–272 ; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2014. С. 230–231 ; Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации в схемах с комментариями / отв. ред. Г. Д. Улегова. СПб., 2013. С. 88 ; Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2013. С. 226–227.

³ См., например: определения Конституционного Суда от 21 декабря 2000 г. № 291-О и № 293-О ; постановление Конституционного Суда от 11 мая 2005 г. № 5-П ; постановление Конституционного Суда от 5 февраля 2007 г. № 2-П ; определение Конституционного Суда от 15 июля 2008 г. № 446-О-О ; определение Конституционного Суда от 15 января 2008 г. № 193-О-П ; определение Конституционного Суда от 23 марта 2010 г. № 419-О-О ; постановление Конституционного Суда от 21 декабря 2011 г. № 30-П.

исключительных процедурах, специально предусмотренных для исправления фундаментальных, существенных юридических ошибок – по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (гл. 42 ГПК РФ, гл. 37 АПК РФ). Это возможно в том числе, если соответствующие обстоятельства были установлены в результате производства по уголовному делу на основе сведений, ранее не исследованных в ходе гражданского или арбитражного судопроизводства (арбитражного разбирательства).

Иначе говоря, преюдиция необходима и применяется для целей исключения ситуации одновременного существования двух процессуальных решений с противоположными юридическими выводами (оценкой) применительно к одним и тем же обстоятельствам. Таким путем обеспечивается межотраслевая непротиворечивость судебных актов, их правовая устойчивость и определенность, гарантируется независимость каждой ветви судебной власти и тем самым предотвращается произвол при ее осуществлении⁴.

Очевидно, что сказанное должно распространяться и на иностранные арбитражи, но с определенными оговорками. Дело заключается в том, что на территории Российской Федерации только органы ее власти обладают исключительными юрисдикционными правами. Поэтому окончательные решения иностранных юрисдикционных органов (государственных и негосударственных) подлежат исполнению в РФ, если это предусмотрено ее законодательством и международными договорами. Это значит, что РФ признает юридическую силу этих решений с момента их принятия иностранным юрисдикционным органом и берет на себя обязательство дать разрешение на их принудительное исполнение при наличии определенных условий и в определенном порядке⁵.

Условия и порядок исполнения такого обязательства установлен гл. 31 АПК РФ, ст. 35, 36 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», ст. III, IV, V Конвенции Организации Объединенных Наций «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» 1958 г. (Нью-Йоркская Конвенция 1958 г.).

Иначе говоря, иностранные арбитражные решения приобретают свойство преюдициальности (преюдициальную силу) с того момента, когда они становятся окончательными (по условиям процедуры соответствующего арбитражного разбирательства) в силу индивидуально-определенного арбитражного соглашения и международно-правового обязательства РФ признавать такие решения (ст. III Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.).

Поскольку Российская Федерация взяла на себя международно-правовые обязательства признавать окончательные решения международных коммерческих арбитражей, у ее органов и должностных лиц возникают обязанности, корреспондирующие этим обязательствам:

– признавать юридические последствия добровольно исполненного арбитражного решения;

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П ; постановление Конституционного Суда от 21 декабря 2011 г. № 30-П.

⁵ См.: Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2013. С. 733–734 ; Определение ВАС РФ от 19 мая 2008 г. № 5105 по делу А40-73830/06-25-349.

- не принимать решений, вступающих в противоречие с решением арбитража (не пересматривать его по существу);
- осуществлять принудительное исполнение принятого арбитражного решения (в установленном законом порядке – через процедуру признания и приведения в исполнение).

Причем последняя обязанность возникает только в случае отказа от добровольного исполнения арбитражного решения сторонами арбитражного соглашения, а процедура признания требуется исключительно для принудительного исполнения этого решения на территории РФ. То есть даже отказ в признании иностранного арбитражного решения не может считаться пересмотром дела по существу, являясь отказом только в его принудительном исполнении (в силу отсутствия необходимых условий для такого исполнения – гл. 31 АПК РФ).

Следует особо подчеркнуть, что органы и должностные лица РФ имеют перечисленные выше обязанности, проистекающие из ее международно-правовых обязательств, лишь в отношении иностранных арбитражей. Однако у них нет таких обязанностей в отношении российских третейских судов, решения которых не имеют преюдициальной силы и могут оспариваться (пересматриваться по существу) в порядке, установленном гл. 30 АПК РФ и гл. 46 ГПК РФ. Именно поэтому, как справедливо указал Конституционный Суд РФ, обстоятельства, установленные решениями данных судов, не рассматриваются в качестве преюдициальных обстоятельств⁶.

Таким образом, решения иностранных арбитражей по своему статусу приравниваются к государственным (в смысле ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»), не должны игнорироваться органами судебной (и другой государственной) власти (в смысле ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека)⁷ и могут быть принудительно приведены в исполнение. В ином случае трудно будет избежать возникновения существенных расхождений при оценке одних и тех же обстоятельств в решениях российских государственных юрисдикционных органов и иностранных арбитражей.

Вот почему решения иностранных арбитражей и государственных арбитражных судов имеют одинаковое преюдициальное значение (силу)⁸.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Стойко Н. Г., доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Stoiko N. G., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: e.okladnikova@spbu.ru*

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2136-О.

⁷ Case of Ates Mimarlik Muhendislik A. S. v. Turkey. Application no. 33275/05: [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-113441#{"itemid":\["001-113441"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-113441#{) (Решение по делу «Этеш Мимарлик Мюхендишлик против Турции»).

⁸ См. об этом: Курочкин С. А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М., 2008. С. 129–133; Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. М., 2014. С. 114; и др.

**ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА
УСТРАНЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
ЧЕРЕЗ БАЛАНС СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ
И СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТЕЙ**

Судебный контроль на досудебных стадиях, прокурорский надзор и ведомственный (процессуальный) контроль рассматриваются в контексте уголовно-процессуального механизма устранения ошибки и сквозь призму соответствующей власти в уголовном судопроизводстве – судебной, прокурорской, следственной. Показаны действующие в правоприменительной практике модели взаимодействия этих властей и перспективы нормативного совершенствования данных видов контрольно-надзорной деятельности с целью соблюдения принципа законности в уголовном процессе, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная власть, прокурорская власть, следственная власть, баланс властей, судебный контроль, прокурорский надзор, ведомственный контроль, процессуальный контроль, следственная ошибка, уголовно-процессуальный механизм устранения ошибки, выявление, исправление и предупреждение ошибки.

**PROMISING DEVELOPMENT
OF THE CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM
FOR ELIMINATING INVESTIGATIVE ERRORS
AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS
THROUGH THE BALANCE OF JUDICIAL, PROSECUTORIAL
AND INVESTIGATIVE AUTHORITIES**

Judicial control at the pre-trial stages, prosecutorial supervision and departmental (procedural) control are considered by the author in the context of the criminal procedural mechanism for eliminating errors and through the prism of the relevant authorities in criminal proceedings – judicial, prosecutorial, investigative. The models of interaction between these authorities operating in law enforcement practice and the prospects for regulatory improvement of these types of control and supervisory activities in order to comply with the principle of legality in criminal proceedings, protect human and civil rights and freedoms, as well as identify, eliminate and prevent investigative errors are shown.

К е y w o r d s: judicial power, prosecutorial power, investigative power, balance of powers, judicial control, prosecutorial supervision, departmental control, procedural control, investigative error, criminal procedure mechanism for eliminating errors, identification, correction and prevention of errors

Поступила в редакцию 25 августа 2023 г.

В Российской Федерации постоянно происходят изменения в правовой системе, они нацелены на качественные преобразования работы правоох-

ранительных органов при реализации ими своего назначения в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Целью этих изменений является совершенствование организации субъектов уголовно-процессуальной деятельности, укрепление законности, усиление гарантий обеспечения прав личности и проч. На этом фоне вызывает вопросы ситуация с качеством расследования уголовных дел и рассмотрения их в судах. Уполномоченными вести головное судопроизводство субъектами допускается значительное количество ошибок в ходе установления и исследования всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, нарушаются положения Конституции Российской Федерации, международно-правовых норм и национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Самое опасное, на наш взгляд, состоит в том, что в результате таких ошибок может иметь место незаконное заключение под стражу, незаконное осуждение или назначение чрезмерно сурового наказания, в том числе реального лишения свободы, или, наоборот, незаконное освобождение от уголовной ответственности или оправдание. Цена следственных и судебных ошибок становится высокой, когда дознаватель, следователь, прокурор, суд не выявляют фактов применения незаконных методов (особенно физического насилия, пыток) в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а также провокаций преступлений со стороны должностных лиц правоохранительных органов государства, и принимают юридически значимые для человека решения, основываясь на материалах, добытых незаконным и провокационным путем¹. Необходимость сведения к минимуму ошибок в уголовном судопроизводстве, соблюдения разумных сроков, использования в доказывании по уголовным делам допустимых доказательств диктуют важность изучения на концептуальном уровне природы следственных и судебных ошибок и выработки уголовно-процессуальных механизмов их выявления, исправления и предупреждения².

В 2017 г. в диссертационном совете СПбГУ автором была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук³ на тему «Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы», где были проанализированы уголовно-процессуальные механизмы ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а также были предложены варианты совершенствования данных механизмов и их сбалансирование.

Данные уголовно-процессуальные механизмы в настоящее время мы рассматриваем сквозь призму перспективного развития и баланса властей – следственной, прокурорской и судебной. Это позволяет оценить значимость властно-принудительной деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс на

¹ Подробнее см.: Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 4–5. URL: https://disser.spbu.ru/files/phd_spsu/nazarov-a-d_disser.pdf?ysclid=llamealzou531822410 (дата обращения: 25.08.2023).

² См.: Там же.

³ Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения : концептуальные основы. М., 2017. 397 с.

досудебных его стадиях, а также видеть перспективы эффективного реформирования данных моделей власти (действующих уголовно-процессуальных механизмов контрольно-надзорной деятельности властных субъектов).

Сразу отметим, что активной динамики поступательного развития изучаемых нами уголовно-процессуальных механизмов контрольно-надзорной деятельности по устранению следственных, прокурорских (да и судебных) ошибок на досудебных стадиях уголовного судопроизводства на сегодняшний день нами не наблюдается.

Как известно, судебная власть на досудебных стадиях реализуется через механизм судебного контроля. Судебная власть выступает гарантом соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях уголовного процесса, когда следственная или прокурорская власти в рамках выполнения назначения уголовного судопроизводства намерены принять (или уже приняли) действия и решения, посягнувшие на конституционные права и свободы человека и гражданина. По сути, судебная власть действует в «юридическом консилиуме» со следственной и прокурорской властями. Кроме того, именно судебная власть является рефери в споре между заинтересованными участниками уголовного процесса со следственной или прокурорской властями, когда эти участники обжалуют в суд действия или бездействие, а также решения, следственной или прокурорской властей.

С. В. Бурмагин сторонник позиции, что судебно-контрольные производства (оперативный судебный контроль или судебный контроль в узком смысле слова) способствуют сдерживанию органов обвинительной власти (следственной и прокурорской) в части исполнения ими властно-принудительных полномочий, сопряженных с ограничением основных прав и свобод человека (реализация системы сдержек и противовесов, гарантия защиты прав и основных свобод), являются средством обеспечения законности⁴.

Л. А. Воскобитова обозначает судебный контроль на досудебных стадиях как предварительный контроль, имеющий важное значение для защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина и гарантий законности⁵.

Профессор Л. В. Головкин считает логичным рассматривать, в том числе и в период проведения судебной реформы, следующие полномочия для судебной власти: избрание мер пресечения, привлечение в качестве обвиняемого, приостановление и прекращение производства по делу. По его мнению, требование беспристрастности диктует невозможность участия судьи в процессе, если ранее им выполнялись какие-либо функции по уголовному делу⁶.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. использовал термин «прокурорская власть» (см., к примеру, ст. 511 Устава). Действительно, эта власть наряду с судебной властью является дополнительной гарантией соблюдения следственной властью конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Нередко решения следственной власти ревизуются в

⁴ См.: Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : монография. М., 2021. С. 236–237.

⁵ См.: Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти : учебник. М., 2017. С. 160–161.

⁶ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкина. М., 2016. С. 319.

«юридическом консилиуме» судебной и прокурорской властями. Важная роль прокурорской власти отводится в надзоре за обеспечением доступа к правосудию, движению уголовного дела в суд.

В свое время прокурорская власть была усилена следственной властью, а также имела те функции, которые отнесены сегодня к судебной власти. Но в эволюционном процессе в настоящее время прокурорская власть предстает в совершенно ином качестве.

Вопрос о балансе следственной, прокурорской и судебных властей представляется важным в контексте выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса.

Профессор Г. С. Казинян еще в период зарождения судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства высказывал идею, что такой контроль над досудебным производством должен ограничиваться проверкой жалоб относительно законности санкционирования прокурором действий и решений следователя, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного процесса, тем самым сузив рамки (пределы) судебного контроля до проверки соблюдения наиболее существенных прав граждан. В этом случае судебный контроль не подменял бы прокурорский надзор, а стал бы дополнительной гарантией законности тех следственных действий и мер процессуального принуждения, применение которых требует разрешения прокурора⁷.

В современных правовых реалиях имеет место ситуация, когда участник уголовного судопроизводства, полагающий, что его права нарушены следователем, при подаче жалобы находятся в состоянии неопределенности: подать жалобу руководителю следственного органа, прокурору или непосредственно в суд?⁸

В рассматриваемой ситуации было бы целесообразно упорядочить баланс властей: полагаем, что было бы целесообразнее сначала подать жалобу руководителю следственного органа, который согласовал бы ответ на эту жалобу с надзирающим прокурором, а в случае несогласия участника процесса с ответом руководителя следственного органа, прокурора – обратиться с жалобой в суд.

Нужно согласиться с мудрой позицией профессора И. Л. Петрухина, что нельзя определять компетенцию государственных органов, в том числе прокуратуры и суда, по принципу «как тот, так и другой». Здесь необходимо придерживаться иного принципа: «или тот, или другой», но не оба вместе⁹.

Следственная власть напрямую обращается к судебной власти, когда ей необходимо применить меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, избираемые на основании судебного постановления или продлить

⁷ См. подробнее: *Казинян Г. С.* Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства в третьей Республике Армения : сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 371 с.

⁸ Автор данной статьи, являясь действующим адвокатом, в практике оспаривания процессуальных решений дознавателя, следователя первоначально пытается оперативно обжаловать их ведомственному руководителю и прокурору, а при получении от них отрицательного результата – подавать жалобу в суд.

⁹ См.: *Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина.* М., 2003. С. 180.

сроки применения этих мер. Полагаем, что в данной ситуации необходима корректировка в сторону прокурорской власти: такие обращения следственной власти напрямую в суд недопустимы. Следственная власть в таких ситуациях должна обратиться именно к прокурору, и только он как гарант законности должен принять решение: быть такому следственному обращению в судебную власть или не быть. А с целью искоренения обвинительного уклона суда в случае, если прокурор отказывается от применения ареста к лицу или продления его срока, то судебная власть в этом случае не может принять решение вопреки позиции прокурорской власти.

Как полагает профессор Л. В. Головкин, прокурорский надзор и судебный контроль не являются антагонистами. Напротив, они взаимно дополняют и усиливают друг друга, имеют общие цели соблюдения закона при расследовании преступлений и направлены на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Сказать сегодня то же самое о прокурорском надзоре и ведомственном контроле сложнее – они пока в большей мере имеют не столько процессуально сбалансированный, сколько конкурентный характер¹⁰.

Чтобы балансировать вольные трактовки Закона следственной властью (деятельность дознавателей также охватывается этой властью), к примеру, для соблюдения сроков доследственной проверки, прокурор должен получить право по истечении 30 суток такой проверки сам возбуждать уголовное дело по факту совершения преступления и при необходимости выставлять следственной власти требование об устранении нарушений федерального законодательства в данной ситуации.

По мнению профессора Л. В. Головкина, дискуссия о создании в России единого следственного аппарата является надуманной. Важно определиться: предварительное следствие – «это классическая судебная деятельность либо не менее классическое прокурорское дознание». Следовательно сегодня, по мнению Л. В. Головкина, является «квалифицированным дознавателем»¹¹. По мнению О. Х. Галимова, функционирование единого Следственного комитета и упразднение дознания как формы предварительного расследования принесет максимальную пользу качественному и единообразному предварительному следствию¹².

В контексте реализации требования уголовной политики государства об экономии уголовной репрессии и снижения количества судимых лиц прокурорская власть (соответственно, и следственная власть с согласия прокурорской) должна быть ориентирована на практику прекращения уголовного преследования обвиняемых за счет введения дополнительных оснований прекращения уголовного дела (преследования): в связи с изменением обстановки (особенно в связи с призывом на действительную военную службу, призывом по мобилизации, службой по контракту или в качестве добровольца, и

¹⁰ Курс уголовного процесса. С. 619.

¹¹ Там же. С. 328–329.

¹² См.: Галимов О. Х. К вопросу о путях и механизме устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса : взгляд практика и теоретика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 51.

др.), передачи обвиняемого на поруки трудовому или учебному коллективу, назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и др. Соответственно, в уголовно-процессуальный закон необходимо внести дополнительные нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела (преследования) и полномочие прокурора самостоятельно прекращать уголовные дела (преследование).

Все больше пробивает себе дорогу ставшим уже мировым трендом реализации на досудебных стадиях уголовного процесса судебной власти через специализированный институт следственного судьи.

Разворачивание деятельности следственного судьи неминуемо влечет за собой внедрение в досудебное производство института депонирования доказательств, а также создание модели эффективного досудебного контроля на стадии назначения судебного разбирательства за относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью доказательств, особенно в случае применения особого порядка судебного разбирательства уголовного дела.

При модельном подходе¹³ в модернизации контрольно-надзорных механизмов устранения следственных ошибок в российском уголовном процессе перспективная **модель динамичного судебного контроля за досудебным производством** в контексте стратегий уголовного преследования и защиты прав человека:

– должна расширить юрисдикцию судебного контроля за счет введения таких новых его видов, как «депонированный контроль», т. е. легализацию на досудебных стадиях в ограниченных и четко оговоренных случаях некоторых доказательств, и «предсудебный контроль» – особо значимые для доказывания и процедуры рассмотрения уголовного дела по существу контрольные действия на стадии назначения судебного заседания;

– усилить требования к «арестному» контролю, осуществляемому судом по таким мерам пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий (собрание, проверка и оценка именно *доказательств* в части обоснованности подозрения подозреваемого и обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и его поведения в ходе производства по уголовному делу);

– реформатировать «процедурный» контроль (ст. 165 УПК РФ) и «контроль по жалобам» (ст. 125 УПК РФ): перераспределить от суда в пользу прокурора некоторые контрольно-надзорные полномочия, тем самым усиливая существующий контроль: первоначальное «прокурорское санкционирование» следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам;

– не сужать границы действия «контроля по жалобам» (к примеру, позволять обжаловать в суд постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.).

¹³ См. подробнее: Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения : концептуальные основы... ; *Его же*. Устранение следственных и судебных ошибок : монография. Красноярск, 2017. 561 с.

Функционирование перспективной модели динамичного судебного контроля продолжает держать на повестке дня вопрос о совершенствовании организационной структуры деятельности следственных судей (в первую очередь, определенное обособление этих судей от федеральных судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а также в порядке кассации и надзора).

Модель перманентного прокурорского надзора как основной контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного преследования и защиты прав человека. Данная перспективная модель прокурорского надзора в качестве значимой надзорной миссии прокурора закрепляет за ним полномочие по процессуальному руководству уголовным преследованием в уголовном процессе. Будучи руководителем уголовного преследования, прокурор должен обладать властными полномочиями по возбуждению такого преследования (полномочием возбуждать уголовные дела); корректировке предварительного расследования: отмене незаконных постановлений следователя и дознавателя; продлению сроков предварительного расследования; разрешению жалоб участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц; выставлению официальных требований об устранении нарушений закона; даче заключений при осуществлении судом судебного контроля на досудебных стадиях; выражению согласия (как гаранта законности) на осуществление процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина; определению в необходимых случаях конкретного органа, призванного произвести полное, всестороннее и объективное расследование по уголовному делу в соответствии с требованиями закона и правил подследственности; возвращению уголовного дела следователю и дознавателю на дополнительное расследование и др.; полномочиями по окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, а также заключению с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и прекращению уголовного преследования.

При такой перспективной модели прокурорского надзора не исключается в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору.

Российская перспективная **модель тотального ведомственного контроля** имеет разнополярный характер, предполагает включение в него элементов наставничества и подготовки кадров, осуществляется в ходе досудебного производства по уголовному делу под надзором прокуратуры и выражается в процессуальной и административной деятельности руководителя следственного органа.

Ведомственный контроль (наряду с прокурорским надзором) функционирует перманентно на протяжении всего досудебного производства. На низовом уровне деятельности следственных подразделений это позволяет руководителям следственных органов тотально контролировать уголовно-процессуальную деятельность следователей (особенно тех, кто только начинает свою следственную карьеру). На других (вышестоящих) уровнях следственных ведомств это позволяет разумно сочетать (без «режима тотальности») ведомственный (процессуальный) контроль с процессуальной самостоятельностью следователя. При этом ведомственный контроль находится в отношениях вза-

имодействия с судебным контролем и прокурорским надзором и в определенной зависимости от них.

Только при таких условиях **ведомственный контроль** может:

а) успешно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки в досудебном производстве;

б) минимизировать риск собственных ошибок (ошибок руководителей следственных органов);

в) достигать стратегических целей уголовного преследования и защиты прав человека.

Именно в перспективных моделях *динамического судебного контроля, перманентного прокурорского надзора и тотального ведомственного контроля* за предварительным расследованием мы видим действенный уголовно-процессуальный механизм разумной реализации баланса судебной, прокурорской и следственной властей, магистральное направление развития которого связано с соблюдением принципа законности, защитой прав и свобод человека и гражданина, недопущением следственных ошибок, их эффективным выявлением, исправлением и предупреждением на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Санкт-Петербургский государственный университет
Назаров А. Д., доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса и криминалистики

Saint Petersburg State University
Nazarov A. D., Doctor of Legal Sciences, Professor
of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: e.okladnikova@spbu.ru

ДОМАШНИЙ АРЕСТ И ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена анализу и сравнению двух новых для российского уголовного процесса мер пресечения – домашнего ареста и запрета определенных действий как альтернативы заключению под стражу. Автор обращает внимание на схожесть данных норм и проблемы применения домашнего ареста в условиях полной изоляции обвиняемого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, мера пресечения, домашний арест, запрет определенных действий.

HOME DETENTION AND PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS AN ALTERNATIVE TO DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION: SIMILARITIES, DIFFERENCES AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

The article is devoted to the analysis and comparison of two new preventive measures for the Russian criminal process – home detention and prohibition of certain actions as an alternative to detention. The author draws attention to the similarity of these measures and the problems of home detention in conditions of complete isolation of the accused.

К е у w o r d s: criminal process, preventive measure, home detention, prohibition of certain actions.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

В ноябре 2001 г. Государственной Думой Российской Федерации был принят новый уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). В нем в числе прочих нововведений появилась мера пресечения – домашний арест. УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. предусматривали домашний арест, который состоял в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции на дому, с назначением стражи или без таковой. Таким образом, некоторый опыт применения домашнего ареста уже имел место в национальной уголовно-процессуальной практике: эта мера действовала и с 1864 по 1903 г., а затем с 1922 по 1926 г. Однако УПК РСФСР 1960 г. такой способ ограничения свободы не предусматривал.

В УПК РФ эта мера была введена как основная альтернатива заключению под стражу и предусматривала нахождение подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении по месту его проживания. Суд по ходатайству следователя, изучив представленные ему материалы дела, мог полностью запретить обвиняемому покидать пределы жилого помещения, либо ограничить его в этом праве частично, запретив покидать помещение в определенные часы.

© Александров Р. А., 2024

Дополнительно судом могли устанавливаться ограничения на общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Статья 107 УПК РФ, регламентирующая порядок избрания и применения домашнего ареста определяла, что подозреваемый или обвиняемый мог быть подвергнут судом всем запретам и (или) ограничениям, либо некоторым из них.

Представляется, что при подобной формулировке закона верным является утверждение авторов курса уголовного процесса под редакцией доктора юридических наук Л. В. Головки о том, что «само наименование «домашний арест» является достаточно условным, поскольку не предполагает обязательное физическое нахождение лица «в четырех стенах». Речь скорее идет об обязанности обвиняемого (подозреваемого) постоянно проживать в определенном жилом помещении, собственником, нанимателем или иным законным пользователем которого он является. При этом степень изоляции обвиняемого (подозреваемого), возможность выхода за пределы помещения и т. д. варьируются от случая к случаю, другими словами, речь может идти как о полной, так и о частичной (в том числе весьма умеренной) его изоляции в соответствующем помещении»¹.

Таким образом, при применении данной меры пресечения речь, скорее, должна была идти о контроле и ограничениях жизни и свободы обвиняемого, а не о заключении его под стражу в своей квартире. Запрет покидать жилое помещение являлся лишь одним из предусмотренных законом запретов, который суд мог и не применять. Хотя, следует признать, что подобные прецеденты нам не известны.

Так было до принятия в апреле 2018 г. поправок в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Этими поправками в УПК РФ была введена новая статья 105.1 «Запрет определенных действий». По своему содержанию она фактически дублирует ст. 107 УПК РФ «Домашний арест».

Эта новая для России мера пресечения также применяется по судебному решению и предусматривает наложение на обвиняемого (подозреваемого) тех же ограничений, что и ст. 107 УПК РФ: запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Также суд может запретить обвиняемому (подозреваемому) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

Одновременно с принятием ст. 105.1 УПК РФ в ст. 107 УПК РФ «Домашний арест» были внесены изменения. Так, формулировка закона о том, что домашний арест состоит «в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помеще-

¹ Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 547.

нии по месту его проживания» была заменена на «заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает». То есть при избрании данной меры пресечения полная изоляция обвиняемого в жилом помещении стала обязательной.

Фактически мы получили две меры пресечения альтернативных заключению под стражу, отличие которых только в том, что в одном случае изоляция в помещении является лишь одним из налагаемых судом запретов и может быть ограничена определенными часами, а во втором случае является полной и обязательной.

Избрание же меры пресечения в виде домашнего ареста в действующей редакции означает автоматический запрет покидать жилое помещение и такой режим сохраняется в течение всего периода действия этой меры пресечения.

Анализ приведенных положений закона вызывает целый ряд вопросов, в частности следующие.

1. Имеется ли необходимость в полной изоляции обвиняемого в его собственном жилище, без права выхода за его пределы, если суд счел, что он недостаточно опасен, чтобы содержать его под стражей, и какая цель при этом должна быть достигнута?

2. Насколько физически возможно нахождение обвиняемого в своем жилище в условиях полной изоляции без выхода за его пределы?

Часто приходится слышать следующее мнение – если срок, проведенный под домашним арестом, засчитывается в срок наказания, то и по условиям исполнения эта мера должна быть максимально жесткой и близкой к заключению под стражей. Но вряд ли законодатель ставил целью отбывание наказания обвиняемым в своем жилище еще до судебного решения. Думается, что цель избрания меры пресечения, определенная в главе 13 УПК РФ, все-таки иная.

При применении домашнего ареста, связанного с постоянным нахождением обвиняемого в жилище, возникают и должны быть решены следующие проблемы.

1. Необходимость пребывания подвергнутого домашнему аресту на свежем воздухе.

В соответствии с положениями п. 11 ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»² лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, имеет право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа. Если право на прогулку имеет обвиняемый, в отношении которого избрана самая строгая мера пресечения, то такого права, на наш взгляд, не может быть лишен и тот, в отношении которого избрана менее строгая мера – домашний арест.

2. Обеспечение арестованного продуктами питания.

Если обвиняемый, подвергнутый домашнему аресту, проживает в квартире один, то он должен обеспечивать себя продуктами питания, выносить мусор, оплачивать коммунальные платежи. Если в дополнение к полной изоля-

² О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

ции в помещении судом дополнительно установлены запреты на общение с любыми лицами, кроме следователя и защитника, пользование телефоном и сетью «Интернет», это фактически делает невозможным выполнение данной меры пресечения.

Когда действовала предыдущая редакция ст. 107 УПК РФ, допускавшая частичную изоляцию в жилище, суды решали эту проблему, разрешая обвиняемому выходить за пределы жилища на два, три или четыре часа в сутки для прогулки и посещения магазина. При этом они могли устанавливали время прогулок, а также район, за пределы которого арестованный не мог выходить. Такая практика соответствовала диспозиции статьи, которая допускала частичную изоляцию обвиняемого от общества в жилом помещении.

Однако в действующей редакции полная изоляция является обязательной для данной меры пресечения и не является одним из ограничений, которые суд может регулировать.

Имели место прецеденты, когда суды, пытаясь разрешить эту проблему, разрешали выход на прогулку лишь в сопровождении сотрудника, осуществляющего контроль соблюдения обвиняемым меры пресечения. Контроль за поведением лица, находящегося под домашним арестом, осуществляют сотрудники уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России. В настоящее время их действия регламентируются совместным Приказом Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»³. Данный приказ подробно определяет полномочия органов ФСИН, а также иных, упомянутых в нем правоохранительных органов в осуществлении контроля. Он подробно регламентирует порядок посещения жилища арестованного, осуществления электронного контроля и доставления лица к следователю или в суд сотрудником уголовно-исполнительной инспекции ФСИН. Вместе с тем данный приказ не уполномочивает данных сотрудников сопровождать находящихся под домашним арестом во время прогулок. Судебные решения вызвали протесты со стороны Уголовно-исполнительной инспекции и были отменены.

Рассматривая же вопрос о целесообразности полной изоляции в жилище, считаем необходимым обратить внимание на следующее. Основным отличием домашнего ареста от заключения под стражу выступает элемент добровольности исполнения лицом условий этой меры пресечения под страхом того, что в случае нарушения указанных условий, лицу может быть избрана

³ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

более строгая мера – заключение под стражу. Если при нахождении под стражей лицо физически не может скрыться или каким-то образом препятствовать расследованию, так как его охраняют, то при нахождении под домашним арестом ничто, кроме опасения наступления возможных негативных последствий, не мешает лицу нарушить эту меру, снять электронный браслет и скрыться от правоохранительных органов, либо оказать влияние на свидетелей, так как под дверями его квартиры не стоит охрана.

Кроме того, домашний арест чаще всего несовместим с выполнением трудовых обязанностей (если это невозможно в домашних условиях), что часто влечет не оправданное лишение обвиняемого его заработка в период предварительного расследования и судебного разбирательства. Если же обвиняемый является предпринимателем, то полная его изоляция будет препятствовать осуществлению предпринимательской деятельности, что противоречит позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в его постановлении «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»⁴.

Таким образом, полный запрет покидать жилое помещение видится нам избыточным ограничением для добросовестного обвиняемого, а недобросовестному никак не помешает нарушить данную меру.

Рассмотрим, как решается вопрос с альтернативными заключению под стражу мерами пресечения в иных правопорядках.

Так, в уголовно-процессуальном законодательстве Франции в качестве альтернативы заключению под стражу по судебному решению может быть применен судебный контроль – самостоятельная мера пресечения, которая предусматривает 16 вариантов различного рода правоограничений, таких как запрет покидать определенную территорию, посещать определенные места, заниматься определенными видами деятельности, встречаться с определенными лицами и др. В зависимости от обстоятельств конкретного дела судья может избрать несколько указанных правоограничений, которые могут быть потом им дополнены, отменены или изменены⁵.

В Великобритании оставление на свободе лица, в отношении которого есть основания для заключения под стражу трактуется как применение института bail. Данный институт не является какой-то определенной альтернативной аресту мерой пресечения, а представляет собой ряд условий, при которых полиция или суд оставляет лицо на свободе. Этими условиями могут быть – внесение залога, поручительство уважаемых людей, либо обязательства лица не совершать какие-то действия, не покидать определенную территорию, а также применение средств электронного контроля⁶.

⁴ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁵ Подробнее см.: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 353.

⁶ Там же. С. 112–113.

Как видим, в других правопорядках альтернативой заключению под стражу выступают самые различные ограничения, которые налагаются на привлекаемое к ответственности лицо в зависимости от ситуации. Вновь принятая в российском уголовно-процессуальном кодексе мера пресечения «Запрет определенных действий» также дает суду возможность налагать на обвиняемого различные ограничения, круг которых достаточно широк и может впоследствии быть еще расширен внесением дополнений в закон, если того требуют обстоятельства.

На наш взгляд, после введения в УПК РФ меры пресечения «Запрет определенных действий», мера пресечения «Домашний арест» утратила свою актуальность, практически полностью дублируется новой нормой, а в действующей сегодня редакции еще и трудноисполнима. Полагаем, что законодателю следовало бы задуматься над исключением этой нормы из УПК РФ.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Александров Р. А., доктор юридических наук,
в период с 2008 по 2021 г. – доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Aleksandrov R. A., Doctor of Legal Sciences,
2008–2021 – Associate Professor
of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: san33@mail.ru*

ЭЛЕМЕНТЫ ДОПРОСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ИНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена возможному получению с применением элементов допроса устных сведений от участников процесса при производстве других следственных действий, в том числе прямо не нацеленных на это (осмотр, обыск, следственный эксперимент). Обосновывается допустимость использования (при соблюдении ряда условий) таких сведений в доказывании в качестве показаний.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следственные действия, допрос, показания, допустимость доказательств.

ELEMENTS OF INTERROGATION IN THE PRODUCTION OF OTHER INVESTIGATIVE ACTIONS: THE POSSIBILITY OF APPLICATION AND EVIDENTIARY VALUE

The article is devoted to the possible receipt of oral information from the participants of the process using elements of interrogation during the production of other investigative actions, including those not directly aimed at this (inspection, search, investigative experiment). The author substantiates the admissibility of using such information as evidence in process of proving (subject to a number of conditions).

К e y w o r d s: investigative actions, interrogation, testimony, admissibility of evidence.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Роль допроса в доказывании трудно переоценить; его суть – передача значимых для установления обстоятельств дела сведений от обладающего ими лица (допрашиваемого) властному участнику процесса (допрашивающему) в ходе непосредственного (в том числе дистанционного) формализованного общения (беседы, происходящей по определенным правилам и обычно включающей свободный рассказ и ответы на вопросы). В результате полученные в ходе допроса сведения облекаются в особую процессуальную форму – показания соответствующего участника процесса.

Более того, буквальное толкование ст. ст. 76–79 УПК РФ, раскрывающих понятие показаний обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, может привести к выводу, что допрос является *исключительным* средством получения показаний¹. Однако такой вывод ошибочен и объясняется лишь несовершенством законодательной техники².

¹ Подобное утверждение иногда встречается и в монографических исследованиях. См., например: Балакиш В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе. М., 2016. С. 196–202; Галузо В. Н., Канафин Н. А., Редкоус В. М. Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. М., 2022. С. 156, 158, 161, 163.

² См.: Новиков С. А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Российский судья. 2002. № 6. С. 8–9.

Но вот вопросы о том, в ходе каких именно иных следственных действий могут присутствовать элементы допроса и, соответственно, каков статус сообщенных участниками сведений и являются ли они показаниями, можно смело отнести к числу дискуссионных.

Одним из критериев классификации следственных действий ученые обоснованно называют метод, лежащий в основе получения значимых сведений. Разделяя следственные действия на три большие группы, С. А. Шейфер отмечает, что для первой из них (к которой относят и допрос) характерен метод *расспроса*, для второй – непосредственное *наблюдение*, сочетаемое с приемами активного воздействия на отображаемый объект (измерением, экспериментом, моделированием), и, наконец, для третьей – сочетание методов *расспроса* и *наблюдения*³.

В первую группу наряду с допросом входит очная ставка, представляющая собой одновременный допрос лиц, в прежних показаниях которых имеются существенные противоречия. И здесь, вне всяких сомнений, активно используются во многом те же элементы, что и при обычном допросе (разумеется, с учетом специфики очной ставки), а сообщаемые участниками новые сведения являются их новыми показаниями (см. ст. 192 УПК РФ).

Переходя сразу к третьей группе, отметим, что к ней относят опознание и проверку показаний. В ходе их производства метод расспроса является таким же обязательным элементом, что и наблюдение: с одной стороны, следователь или судья воспринимает сведения, сообщаемые другим участником (подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем), с другой – он сам наблюдает окружающую обстановку и сопоставляет результат с услышанным.

И хотя ст. 193 УПК РФ, регламентируя предъявление для опознания, упоминает лишь *объяснения* опознающего, а ст. 194 УПК РФ, посвященная проверке показаний на месте, предусмотрев возможность задать ее участнику вопросы после свободного рассказа и демонстрации действий, вообще умалчивает о статусе сообщаемых сведений, в том и другом случае вновь сообщаемые сведения следует считать именно показаниями. С точки зрения процессуальной формы (источника) получаемых при этом доказательств это одновременно и протокол следственного действия (в части, воспринятой непосредственно следователем: факт узнавания лица или предмета, соответствие обстановки показаниям), и новые показания участника (сведения, сообщенные участником опознания или проверки показаний на месте).

Кстати, неслучайно регламентация перечисленных следственных действий объединена законодателем в одну главу – главу 26 УПК РФ; они всегда содержат элементы допроса и нацелены на получение показаний.

Наконец, вернемся ко второй упомянутой группе следственных действий, для которой в приведенной классификации отведен лишь метод наблюдения; в частности, к ней относят осмотр, освидетельствование, обыск, следственный эксперимент. Допустимо ли при производстве этих следственных действий применять на факультативной основе и метод расспроса, отражая сообщаемые

³ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 73–74.

мые участником сведения в протоколе и считая их показаниями? Ответ на этот вопрос вызывает наибольшие разночтения.

Так, С. А. Шейфер выступал за строгое разграничение познавательных функций следственных действий. Он, как и А. Р. Ратинов, полагал, что объяснения, даваемые разными лицами при осмотре или обыске, не следует отражать в соответствующих протоколах, а надлежит фиксировать путем допроса на месте производства следственного действия. При этом С. А. Шейфер, не соглашаясь со сторонниками иного подхода (полемизируя с Н. В. Жогиным, Ф. Н. Фаткуллиным, А. М. Лариным), мотивировал свою позицию тем, что «объяснения участников осмотра, обыска и других следственных действий, основанных на приемах наблюдения, относительно происхождения вещей, даны в условиях, не обеспечивающих объективного получения вербальной информации, ибо указанные действия по самой своей конструкции не приспособлены к достижению этой цели. Доказательственной ценности такие объяснения иметь не могут»⁴.

В. Ю. Стельмах, хотя и отметил необходимость разъяснения свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому, если они участвуют в следственном действии, смысла ст. 51 Конституции РФ (не давать показания против самого себя и своих близких родственников), «даже если характер следственного действия прямо не связан с дачей показаний (например, при производстве осмотра, обыска, выемки»⁵, однако применительно к тому же осмотру утверждал: «Участники осмотра вправе делать краткие заявления по поводу природы и принадлежности обнаруженных и осмотренных вещей, однако такие заявления не должны носить характера показаний, они могут быть только комментариями действий следователя»⁶.

Согласно позиции А. В. Победкина и В. Н. Яшина при производстве следственного эксперимента хотя и не исключается применение элементов расспроса, однако «вербальная информация, сообщаемая участниками следственного эксперимента, не приобретает статуса доказательства»⁷. Н. В. Власенко и В. В. Степанов, в свою очередь, разграничивая проверку показаний на месте и осмотр, утверждали, что указания и пояснения обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля, привлеченных к осмотру, относящиеся к обстановке места происшествия и к происходящему на нем событию, «не находят отражения в протоколе осмотра» и «носят ориентирующий, не имеющий процессуального значения характер»⁸.

Другие ученые, наряду с упомянутыми выше Н. В. Жогиным, Ф. Н. Фаткуллиным, А. М. Лариным, напротив, указывали на возможность фиксации в соответствующих протоколах и использования в дальнейшем доказывании устных сведений, сообщенных участниками перечисленных следственных действий. Например, В. Л. Будников применительно к следственному эксперименту

⁴ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 73–74.

⁵ Стельмах В. Ю. Следственные действия. М., 2019. С. 33.

⁶ Там же. С. 49–50.

⁷ Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия. М., 2016. С. 84.

⁸ Власенко Н. В., Степанов В. В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. М., 2004. С. 17.

справедливо отметил, что хотя невербальная информация выступает при его производстве, как правило, в качестве основной составляющей получаемых сведений, однако другая часть информации передается с помощью речевых сигналов и должна признаваться показаниями⁹. А. П. Рыжаков, высказываясь за отражение в протоколе обыска факта узнавания присутствующим при этом потерпевшим принадлежащего ему предмета, заметил: «Представляется, что в данном случае целесообразно (это не будет противоречить принципам уголовного процесса) в целях быстроты расследования закрепить факт «опознания» в протоколе обыска. Оформлять отдельным протоколом, искусственно отделять это следственное действие от обыска не обязательно»¹⁰.

Мы также полагаем, что не только допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний на месте, но и другие следственные действия могут привести к получению от участвующих лиц устных сведений, которые разумно отразить в соответствующем протоколе и использовать в доказывании, а с учетом характера этих сведений и предложенной законодателем классификации источников такие сведения должны признаваться показаниями¹¹.

С. Б. Россинский, разделяя позицию о признании таких сведений показаниями, совершенно верно указал по этому поводу: «Формальный подход строгого разделения следственных и судебных действий на вербальные и невербальные приведет к полному обесцениванию устных заявлений и объяснений в ходе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента. <...> В результате органы дознания, предварительного следствия и суд ежедневно в своей практической деятельности будут сталкиваться с необходимостью проведения еще целого спектра дополнительных следственных и судебных действий, направленных на закрепление сведений, которые не представилось возможным получить ранее в силу запрета на смешение вербальных и невербальных способов познания»¹².

Обращаясь к положениям действующего закона, напомним, что, во-первых, в статье об общих правилах производства следственных действий предусмотрена необходимость предупреждения участвующего в них потерпевшего или свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Это косвенно указывает на то, что показания могут быть даны указанными лицами в ходе любого следственного действия, производимого с их участием.

Во-вторых, согласно общим правилам составления протокола следственного действия, в таком протоколе должны быть не только описаны процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, и выявленные при этом существенные для данного уголовного дела обстоятельства, но и из-

⁹ Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 28.

¹⁰ Рыжаков А. П. Следственные действия (понятие, виды, порядок производства). М., 2001. С. 30.

¹¹ См.: Новиков С. А. Показания свидетеля в российском уголовном процессе : совершенствование правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 1. С. 78–79.

¹² Россинский С. Б. Проблемы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу // Российский следователь. 2013. № 16. С. 16.

ложены заявления участвующих лиц (ч. 4 ст. 166 УПК РФ). Представляется не основанной на законе позиция, согласно которой в протокол должны избирательно заноситься лишь те замечания, которые касаются соблюдения процедуры следственного действия и точности отражения в протоколе его хода, содержания и результатов.

В-третьих, нормативная регламентация некоторых, на первый взгляд, существенно «невербальных» следственных действий явно предполагает наличие «вербального» элемента. Достаточно обратиться к положениям ч. 2 ст. 287 УПК РФ, регламентирующей осмотр местности и помещения в ходе судебного следствия, согласно которым по прибытии на место суд приступает к осмотру, при этом подсудимому, потерпевшему, свидетелям и другим участникам могут быть заданы вопросы в связи с осмотром. Ответы на такие вопросы должны, на наш взгляд, использоваться в доказывании (иначе не было бы смысла их задавать), а с учетом природы сообщаемых сведений их следует признавать показаниями.

В-четвертых, любопытно обратиться к предложенному законодателем определению понятия показания специалиста, к которым ч. 4 ст. 80 УПК РФ относит не только результаты его допроса, но и данные им разъяснения своего мнения в ходе участия в следственном действии (таким действием может быть, например, осмотр). Раз такие сведения законом отнесены к показаниям, резонно считать показаниями и заявления других участников об известных им и значимых для дела обстоятельствах.

По пути признания допустимым использования в доказывании возможных «вербальных» элементов таких следственных действий, как следственный эксперимент, осмотр, обыск, идет и судебная практика. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ согласилась с выводом судов нижестоящих инстанций о доказанности вины осужденных, сославшись в числе прочего на результаты следственного эксперимента, в ходе которого его участник – обвиняемый Т. – с помощью ноутбука и модема вышел в сеть Интернет и распечатал на принтере скриншоты, после чего по каждому скриншоту с текстовыми изображениями «дал свои комментарии, отраженные в протоколе»¹³. Архангельский областной суд признал гражданина П. виновным в совершении разбоя, покушения на убийство и незаконного хранения огнестрельного оружия, положив в основу приговора протокол обыска в жилище подсудимого, где было обнаружено самодельное стреляющее устройство в виде ручки. Как следует из протокола обыска, в ходе его производства П. по поводу названного устройства заявил, что оно принадлежит ему; эти сведения оценены судом как допустимое и достоверное доказательство¹⁴.

Сказанное, конечно, не означает, что и определение самого понятия «показания», и регламентация производства отдельных следственных действий, где факультативно могут быть использованы элементы допроса (например,

¹³ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 49-УД21-56СП-А4. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁴ См.: Приговор по делу № 2-27 от 28 августа 2003 г. // Судебные постановления Архангельского областного суда : сборник судебных актов. Вып. 3. Архангельск, 2005. С. 257.

обыска, осмотра, следственного эксперимента, выемки), не нуждаются в совершенствовании. Напротив, во избежание дальнейших дискуссий, а также для обеспечения большей защищенности прав лица, сообщающего значимые сведения при производстве подобных следственных действий, и большей достоверности результатов, требуется внесение в закон дополнений, уточняющих, что понимать под показаниями участников (ст. 76–79 УПК РФ)¹⁵, а также четко регламентирующих порядок и условия получения таких сведений.

Так, важным условием использования в доказывании «вербальных» сведений, полученных от участников следственного действия (осмотра, обыска, следственного эксперимента), выступает соблюдение требования ч. 2 ст. 11 УПК РФ, согласно которому такой участник при наличии у него свидетельского иммунитета должен быть заранее предупрежден о своем праве не свидетельствовать в соответствующей части и о том, что в последующем сообщенные им сведения могут использоваться в доказывании. Также должны быть соблюдены положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ, требующие от правоприменителя разъяснения участникам следственного действия их прав, обязанностей и ответственности. Как и при допросе (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), недопустимы наводящие вопросы.

Существующая неопределенность статуса сообщаемых сведений может привести, с одной стороны, к их необоснованному исключению из допустимой доказательственной базы, а, с другой стороны, к возможным злоупотреблениям при использовании таких сведений без учета их процессуальной природы (например, при попытке рассматривать сообщенные участником осмотра сведения как составную часть такого источника доказательств как протокол осмотра, игнорируя ограничения, установленные законом для другого источника – показаний).

Вдвойне нерешенным является вопрос о статусе сведений, сообщенных таким участником осмотра или обыска, который сам к моменту начала их производства не имел процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или специалиста. Очевидно, что сообщаемые им сведения более всего близки к показаниям свидетеля.

Еще один важный момент: при выборе надлежащего следственного действия правоприменитель не должен допускать злоупотреблений, выражающихся в полной подмене одного следственного действия другим. Для предотвращения негативных последствий заимствования фрагментов различных следственных действий С. Б. Россинским предложены небезы-interесные критерии допустимости такого заимствования: 1) критерий второстепенности (включаемые фрагменты должны предположительно занимать второстепенное место по отношению к содержанию всего следственного действия); 2) критерий производности (сведения, содержащиеся в заимствованных фрагментах, должны быть связаны с проводимым следственным действием); 3) критерий рациональности (допустимо использование заимствованных

¹⁵ Полезным представляется использование опыта Беларуси, где согласно статьям 91–94 УПК РБ к показаниям подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля относятся сведения, сообщенные соответствующим участником не только на допросе, но и «при производстве иных следственных действий с его участием».

фрагментов лишь тогда, когда это обусловлено сложившейся на данный момент следственной ситуацией)¹⁶.

Таким образом, подводя общий итог, можно констатировать наличие существенных пробелов в законодательной регламентации вопросов применения элементов допроса при производстве иных следственных действий и использования в доказывании полученных результатов. Тем не менее уже сегодня элементы допроса находят в российском уголовном процессе широкое применение, причем не только при производстве тех следственных действий, которые по своей природе априори предусматривают их использование, но и многих других, где они применяются на факультативной основе. Результаты их применения должны, при соблюдении оговоренных выше условий, использоваться в доказывании, а с учетом природы сообщенных сведений – признаваться показаниями.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Новиков С. А., кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Novikov S. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: san33@mail.ru*

¹⁶ Россинский С. Б. Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу : возможные варианты решения проблемы // Российский следователь. 2013. № 17. С. 6.

ФОРМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Исследуется место специалиста в модели судебной экспертизы, реализуемой в современном российском уголовном процессе, выявляются особенности и формы участия специалиста в доказывании по уголовным делам. Рассматриваются процесс участия специалиста в формировании научных доказательств и использование таких научных доказательств стороной защиты. Приводится анализ традиционных и иных форм участия специалиста в уголовно-процессуальном доказывании, а также предлагается их авторская классификация.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальное доказывание, специальные знания, научные доказательства, классификация, специалист, формы участия.

FORMS OF PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

In this article the author defines the place of a specialist in the model of forensic examination implemented in the modern Russian criminal process, identifies the features and forms of participation of a specialist in proving criminal cases. The process of participation of a specialist in the formation of scientific evidence and the use of such scientific evidence by the defense is investigated. The analysis of traditional forms of participation of a specialist in criminal procedural proof is given, and their author's classification is also proposed.

К е у w o r d s: criminal procedural proof, special knowledge, scientific evidence, classification, specialist, forms of participation.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Специалист, наряду с экспертом, является носителем специальных знаний и участвует в формировании научных доказательств в целях их последующего использования в уголовно-процессуальном доказывании. Формы участия специалиста, реализуемые в современном российском уголовном судопроизводстве разнообразны и направлены на реализацию задач уголовного правосудия.

К основным (традиционным) формам участия специалиста в уголовно-процессуальном доказывании законодатель относит формирование заключения специалиста и дачу специалистом показаний, в результате которых возникают такие научные доказательства, как «заключение специалиста» и «показания специалиста», прямо предусмотренные ст. 73 УПК РФ.

Вместе с тем длительное время как в науке, так и на практике было распространено мнение, которое полностью не изжило себя и сегодня, что «заключение специалиста доказательственного значения не имеет»¹. Например, Б. Т. Безлепкин отмечал, что «отнесение заключения и показаний специалиста

¹ Цит. по.: Доля Е. А. Виды доказательств // Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 200.

к самостоятельной разновидности доказательств пока не имеет научного обоснования»². В. И. Зажицкий указывал на отсутствие «правовых и фактических предпосылок для того, что бы такие заключения и показания считать средствами доказывания»³, Е. А. Доля полагал, что у заключения специалиста отсутствует доказательственная значимость, а В. П. Божьев утверждал, что заключение специалиста не отвечает требованиям относимости и допустимости, которые к доказательствам предъявляет уголовно-процессуальное законодательство⁴.

Несмотря на приведенные выше весьма авторитетные мнения, фактически участие специалиста в уголовном судопроизводстве позволило расширить рамки использования специальных (научных) знаний стороной защиты, обеспечило получение адвокатами-защитниками возможности самостоятельного привлечения специалиста для получения и приобщения к материалам дела альтернативного научного мнения. То есть участие специалиста в уголовном судопроизводстве в соответствии с «тенденциями развития демократических начал»⁵ обеспечило сторону защиты дополнительными возможностями в доказывании, обеспечило выравнивание прав и возможностей для сторон обвинения и защиты. Возможность самостоятельного получения заключения и показаний специалиста, имея большую практическую востребованность⁶, «предоставила защитникам реальный шанс составить конкуренцию экспертам, назначаемым стороной обвинения»⁷.

Конкуренция специальных знаний, «создание равных условий для самостоятельного обсуждения экспертного мнения в процессе, допущение альтернативных подходов и возможность опровержения любого, даже научного инструмента познания, повысила возможность критического восприятия экспертных данных судьями и другими участниками процесса, с их, как правило, довольно скромным познавательным инструментарием обывателя, пусть даже где-то усиленным специфическим опытом рутинного правоприменения»⁸.

Обеспечение конкуренции специальных знаний путем реализации «попытки имплементации в российский уголовный процесс экспертизы англо-американского типа»⁹ явилось естественным итогом дискуссий о необоснованности использования в доказывании безальтернативного мнения единственного эксперта (единственного заключения комиссии экспертов), которое, будучи

² Безлепкина Б. Т. Уголовный процесс России : учебник. М., 2004. С. 205.

³ Зажицкий В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ : теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 74.

⁴ Божьев В. П. Изменение УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. 2005. № 8. С. 3.

⁵ Семенов Е. А. Заключение специалиста как источник доказательств // Актуальные вопросы адвокатской практики. 2010. № 2. С. 16.

⁶ Лазарева Л. В. Участие специалиста в формировании доказательств по уголовным делам // Сборник статей по материалам Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Саратов, 2020. С. 80.

⁷ Кронов Е. В. Заключение специалиста в деятельности защитника // Адвокат. 2009. № 11. С. 71.

⁸ Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Решетникова И. В. Можно ли доверять экспертизе? или Несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 506.

положенным в основу приговора суда, предоставляет эксперту (комиссии экспертов) фактически статус «научного судьи», наделяет эксперта судебной властью¹⁰.

В отсутствие альтернативного научного мнения в уголовном деле в вопросах, связанных со специальными знаниями, возможна не умышленная деформация единственного экспертного мнения, которое формируется на основе интерпретации воспринимаемых явлений самим лицом, проводящим исследование под воздействием естественных процессов. Соответственно, только опора на такой же уровень научного обоснования путем обращения к иному эксперту или специалисту позволяет обоснованно опровергнуть мнение эксперта, уже имеющееся в материалах дела. В итоге «потребность» конкуренции специальных знаний в российском уголовном процессе была реализована участием специалиста, который фактически стал формой модернизации модели судебной экспертизы российского уголовного процесса.

Основными (традиционными) формами участия специалиста в уголовном судопроизводстве, как уже было отмечено выше, являются его участие в формировании заключения и дача им показаний для последующего установления фактов, имеющих значение для рассмотрения уголовного дела, несмотря на то что, по мнению отдельных авторов, показания и заключение специалиста, как формы использования специальных знаний, не имеют завершеного нормативного закрепления.

Заключение специалиста, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ, является «представленным в письменном виде суждением по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами», оно «в прямом или косвенном виде присутствует в числе доказательств, используемых во всех видах судопроизводства, но формально имеется лишь в уголовном процессе»¹¹. Вместе с тем процедура его получения нормативно не урегулирована, так же, как и само заключение специалиста, не имеет законодательно закрепленной формы. Несмотря на вышесказанное, заключение специалиста не является исключительно совокупностью справочных данных, поскольку «оно может быть достаточно аргументированным и зачастую предполагает изложение специалистом подробной аргументации своего суждения»¹².

Дача показаний специалистом является еще одной формой его участия в уголовно-процессуальном доказывании, в соответствии с положениями ст. 74 УПК РФ показания специалиста являются самостоятельным видом доказательств и, в отличие от показаний эксперта, не имеют обязательную акцессорную природу по отношению к заключению специалиста, могут быть получены как до, так после или вместо такого заключения. Самостоятельность данной формы использования специальных знаний, подтверждается положениями ч. 4 ст. 80 УПК РФ, в соответствии с которой показания специалиста – это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных

¹⁰ См., например: *Полянский Н. Н.* Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946. С. 124 ; *Гогель С. К.* Суд присяжных и экспертиза в России. М., 2016. С. 36.

¹¹ Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / под общ. ред. А. М. Зинина. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2016. С. 45.

¹² *Россинский С. Б.* Уголовный процесс : курс лекций. М., 2007. С. 144.

знаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст. 53, 168 и 271 УПК РФ и могут быть получены как на предварительном следствии, так и в суде устно в ходе допроса.

Помимо основных форм участия специалиста, судебная и следственная практика позволяют выделить и иные формы его участия, к которым, в частности, можно отнести дачу специалистом консультаций, подготовку рецензии на заключение эксперта, подготовку правовых заключений специалиста и участие специалиста в исследовании материалов уголовного дела.

Консультации специалиста используются адвокатами-защитниками довольно широко для разъяснения вопросов, связанных с оказанием защитником юридической помощи доверителю, в то время как изначально консультативная помощь лица, обладающего специальными знаниями, была возможна только в том случае, когда потребность в ее получении возникала у следователя. Несмотря на то что на практике зачастую происходит смешение заключения специалиста и консультации специалиста, в том случае, когда консультация имеет письменную форму, от заключения специалиста данная форма отличается прежде всего своим непроцессуальным характером и, как следствие, отсутствием статуса доказательства по уголовному делу.

Казалось бы, параллельно с заключением специалиста, как доказательством, консультация специалиста не имеет смысла, но можно отметить, что консультация позволяет обеспечить экономию времени и процессуальных средств в ситуации, когда очевидный для специалиста ответ позволит исключить заведомо «нежизнеспособную» линию защиты и, напротив, принять защитником тактически верные решения. Безусловно, получение защитником консультации специалиста не исключает последующего обращения к тому же или иному специалисту за получением заключения и/или показаний, однако в отдельных случаях участие специалиста в уголовном деле по инициативе защитника может ограничиться лишь подобной «нетрадиционной» формой.

В качестве одного из инструментов адвоката-защитника по оспариванию доказательств обвинения, выступает право на оспаривание порядка назначения и проведения экспертизы. «Подобное оспаривание достигается в том числе путем использования специальных знаний специалиста в форме рецензии на заключение эксперта (комиссии экспертов)»¹³. Несмотря на то что такая «внешняя» оценка заключений экспертов, имеющихся в материалах уголовного дела, позволяет в том числе «оценить заключения современных сложнейших экспертиз, оценку которых юрист не может произвести надлежащим образом, в силу объективных причин»¹⁴, идея нормативно закрепленной «экспертизы экспертиз» не признается практикой¹⁵. Вместе с тем рецензирование экспертного заключения предполагающее, «во-первых, исследование по

¹³ Колоколов Н. А. Адвокат в уголовном процессе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н. А. Колоколов [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 225.

¹⁴ Седова Т. А. Экспертиза компьютерной информации, ее предмет и место в общей системе судебной экспертизы // Криминалистический семинар. Вып. 3. СПб., 2000. С. 107.

¹⁵ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2011 по делу № 4-О11-146СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

критерию соблюдения установленного порядка производства судебной экспертизы, а во-вторых, исследование по критерию полноты и обоснованности сделанных экспертом выводов»¹⁶ позволяет обеспечить эффективность доказывания по уголовному делу.

Таким образом, рецензия специалиста на экспертное заключение является самостоятельной формой его участия в уголовно-процессуальном доказывании, обеспечивающей «контроль качества» судебных экспертиз, нивелирующей их недостатки, отсутствие научной обоснованности и полноты, связанные с возможным недостаточным уровнем компетентности экспертов, отсутствием беспристрастности или некорректным применением экспертных методик.

Участие специалиста в подготовке правовых заключений также может быть рассмотрена в качестве одной из форм участия специалиста в уголовном судопроизводстве. Подобные заключения зачастую воспринимаются как вторжение в чужую сферу: ответы на правовые вопросы, данные специалистом, воспринимаются в качестве подмены собой решений следователя (дознавателя) или даже суда, в то время как они ни в коей мере не оспаривают прерогативу лица, осуществляющего производство по делу, по принятию процессуальных и правовых решений. Правовые заключения специалиста «представляет собой лишь мнение лица, аналогичное позиции стороны защиты, которое та предлагает и отстаивает в процессе, порой наравне или во взаимосвязи с позицией лица, обладающего специальными знаниями. То есть право любого участника уголовного процесса предлагать свои решения по конкретному делу и право принимать правовые решения по нему – понятия не тождественные»¹⁷. То есть лицо, обладающее специальными знаниями, «не принимает “правового решения” подобно следователю и не оценивает фактические обстоятельства подобно суду, а лишь высказывает свое мнение о том, как с точки зрения правовой науки тот или иной вопрос следует решать при известных ему исходных данных»¹⁸.

Несмотря на то что данный вопрос в науке уголовного процесса является в высшей степени дискуссионным, сегодня «назрела необходимость узаконить производство правовых (или юридических) экспертиз в тех случаях, когда для установления истины по уголовному делу... необходимы исследования с применением специальных юридических знаний...»¹⁹, особенно по сложным вопросам отраслей права²⁰, выходящих за рамки обычной юридической подготовки, и доступных лишь небольшому числу узких специалистов»²¹. Таким образом, именно правовое заключение специалиста является наиболее опти-

¹⁶ Лимонов С. В., Суслов Д. А. Рецензирование судебных экспертиз как механизм реализации прав человека // Социально-гуманитарные знания. 2018. С. 130.

¹⁷ Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М., 2016. С. 14.

²⁰ См.: Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 297.

²¹ Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-практическое пособие. М., 2016. С. 105.

мальной формой привлечения лица, обладающего специальными знаниями для решения «узких» юридических вопросов.

Не самой популярной, однако отмеченной в науке и практике уголовного процесса формой использования специальных знаний является исследование материалов уголовного дела с участием специалиста, которое способно обеспечить эффективность и всесторонность исследования материалов уголовного дела стороной защиты. Вместе с тем надлежащая нормативная регламентация данной формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве отсутствует, несмотря на то что закон прямо не запрещает участие специалиста в исследовании материалов уголовного дела, соответственно, участие специалиста осуществляется через «посредничество» защитника. На практике специалист, приглашенный стороной защиты, знакомится с материалами уголовного дела, не являясь полноценным участником уголовно-процессуального доказывания, но облакает результаты исследования материалов уголовного дела в форму заключения (процессуальную, при условии последующего надлежащего введения в процесс) или в форму консультации (не процессуальную).

Таким образом, в качестве форм участия специалиста в уголовно-процессуальном доказывании следует выделять не только традиционные, к которым законодатель относит формирование специалистом заключения и дачу специалистом показаний, но и иные, нормативно до настоящего времени не закрепленные, но обеспечивающие реализацию равных прав для сторон обвинения и защиты в доказывании и позволяющие решать задачи уголовного правосудия.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Ватутина О. Ю., ассистент кафедры уголовного процесса
и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Vatutina O. Yu., Assistant of the Criminal Procedure
and Criminalistics Department
E-mail: avalkg3@gmail.com*

КОМПЛЕКСНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ НАЧАЛ (АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

Анализируются проблемы публично-правовой и частно-правовой защиты имущественных и неимущественных прав потерпевших от преступлений. Это связано с необходимостью модернизации института компенсации причиненного преступлением вреда. Решению проблем юрисдикционной защиты прав потерпевших способствует развитие уголовно-правового, уголовно-процессуального, а также гражданско-правового регулирования соответствующих охранительных отношений, имеющих компенсационную направленность. Анализируется модельный закон для государств – участников СНГ «О возмещении вреда, причиненного гражданам, потерпевшим от преступлений», а также законодательство Республики Казахстан в части регулирования Фонда помощи потерпевшим.

К л ю ч е в ы е с л о в а: потерпевший, защита прав потерпевших, возмещение вреда, причиненного преступлением, компенсационные отношения, модельный закон.

COMPREHENSIVE PROTECTION OF THE RIGHTS OF VICTIMS OF CRIMES IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLIC LAW AND PRIVATE LAW PRINCIPLES (TOPICAL ISSUES)

The article is devoted to problems of public law and private law protection of property and non-property rights of victims of crimes. This is due to the need to modernize the institution of compensation for the damage caused by the crime. The development of criminal law, criminal procedure, as well as civil law regulation of the relevant protective relations with a compensatory orientation contributes to solving the problems of jurisdictional protection of the rights of victims. The article analyzes the model law for the CIS member states "On compensation for harm caused to citizens who have suffered from crimes", as well as the legislation of the Republic of Kazakhstan regarding the regulation of the Victim Assistance Fund.

K e y w o r d s: victim, protection of the rights of victims, compensation for harm caused by a crime, compensation relations, model law.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Современная публично-правовая и частноправовая доктрина находится в поиске эффективных путей решения проблем защиты имущественных и неимущественных прав потерпевших от преступлений. В значительной степени эта задача обуславливает необходимость модернизации института компенсации причиненного преступлением вреда, являющегося по сути своей комплексным и отличающимся сложным взаимодействием различных по своей правовой

природе законодательных норм¹. Несмотря на признанную исследователями разрозненность указанных норм², нередко препятствующую достижению целей восстановительного правосудия, решению проблем юрисдикционной защиты прав потерпевших способствует развитие уголовно-правового, уголовно-процессуального, а также гражданско-правового регулирования соответствующих охранительных отношений, имеющих так или иначе компенсационную направленность, для достижения значимой совместимости норм института, которая способна стать фактором их адекватного и эффективного правоприменения.

*О модельном правовом регулировании возмещения вреда,
причиненного потерпевшим от преступлений*

Следует признать, что проблемы возмещения вреда потерпевшим от преступлений не получили эффективного решения в национальном законодательстве и правоприменительной практике Российской Федерации и других государств постсоветского пространства³. Важным этапом в развитии правового механизма усиления судебной защиты прав потерпевших от преступлений стали разработка, обсуждение и принятие модельного закона для государств – участников СНГ «О возмещении вреда, причиненного гражданам, потерпевшим от преступлений»⁴.

В составе названных потерпевших наиболее уязвимыми субъектами являются граждане. Защите их интересов и посвящен разработанный под эгидой Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству, Секретариата Совета МПА СНГ и СПбГУ модельный закон.

Источники правового регулирования

Работа над проектом модельного закона была проведена на основе исследования международно-правовых актов, устанавливающих принципы восста-

¹ Е. Н. Карабанова предлагает вывести «институт возмещения вреда, причиненного преступлением, за пределы исключительной цивилистической принадлежности, придав ему межотраслевой, одновременно частно- и публично-правовой характер, в результате чего существенно укрепились бы его правовые позиции» (См.: *Карабанова Е. Н. Гарантии реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, закрепленные в уголовном законодательстве стран СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 2. С. 69–81*). Между тем данный институт законодательства по своей природе является комплексным, признавать его исключительно гражданско-правовым нет оснований, для него характерно, как отмечено выше, взаимодействие норм различной отраслевой принадлежности.

² *Сушина Т. Е. Современное состояние и перспективы развития гражданского иска в уголовном процессе // Lex Russica. 2019. № 3. С. 100–107.*

³ Однако есть и несомненные достижения в правовом регулировании данных компенсационных отношений. Так, в Республике Казахстан действует Закон № 131-VI ЗРК «О Фонде компенсации потерпевшим» (с изменениями по состоянию на 09.06.2021), в котором определены правовые, экономические, социальные и организационные основы, направленные на обеспечение выплаты компенсации потерпевшим по отдельным составам уголовных правонарушений// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34216824 (дата обращения: 23.08.2023).

⁴ Модельный закон «О возмещении вреда, причиненного гражданам, потерпевшим от преступлений» для государств – участников СНГ принят на пятьдесят первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ 27 ноября 2020 г. (далее – МЗ). Проект разработан Санкт-Петербургским государственным университетом, авторы проекта – А. К. Губаева и Н. А. Сидорова.

новления гражданских прав, нарушенных преступлением или запрещенным уголовным законом деянием⁵, сравнительного анализа законодательных актов государств-членов Европейского Союза⁶ и других стран⁷, модельных законов и национальных законов государств – участников СНГ⁸, содержащих нормы, которые гарантировали и обеспечивали защиту прав потерпевших от преступлений.

Вклад модельного закона «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» для достижения целей правосудия

Принятие модельного закона было обусловлено необходимостью обеспечения государственной, правовой и социальной помощи гражданам, которым причинен физический или имущественный вред вследствие совершенных преступлений; закрепления гарантий восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевших – физических лиц; определения порядка осуществления выплат потерпевшим от преступлений за счет государственных и негосударственных источников финансирования.

Прежде всего в модельном законе закреплены правовые основы регулирования компенсационных отношений, возникающих вследствие причинения преступлением вреда потерпевшему, в том числе, даны определения основных понятий института⁹. Так, под компенсацией вреда в данном случае понимаются выплачиваемые единовременно или периодически денежные средства в порядке, установленном модельным законом, лицу, признанному потерпевшим в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Данная компенсация включает в том числе компенсацию морального вреда.

⁵ См. подробнее: Сидорова Н. А. Международно-правовые нормы и российское законодательство о защите прав потерпевших в уголовном процессе // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. М., 2019. С. 85–94.

⁶ См.: Европейская конвенция о выплате компенсации жертвам тяжких преступлений. Страсбург, 24 ноября 1983 года. URL: <https://rm.coe.int/1680079754> (дата обращения: 23.08.2023).

⁷ Подробнее о защите прав потерпевших за рубежом см.: Правовая защита потерпевших в зарубежных странах : монография / отв ред. С. П. Кубанцев. М, 2022 ; Сушина Т. Е. Особенности развития и современное состояние Германской модели возмещения вреда, причиненного преступлением // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 100–104 ; Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : научно-практическое пособие / отв. ред. С. П. Кубанцев. М., 2016 ; Механизмы имущественного возмещения вреда жертвам преступлений : опыт зарубежных стран. URL: <https://schwartzs.ru/publications/mekhanizmy-imushchestvennogo-vozmeshcheniya-vreda-zhertvam-prestupleniy-opyt-zarubezhnykh-stran/> (дата обращения: 23.08.2023).

⁸ О Фонде компенсации потерпевшим : закон Республики Казахстан от 10 января 2018 г. № 131-VI // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000131#z13> (дата обращения: 23.08.2023).

⁹ Губаева А. К., Сидорова Н. А. Возмещение вреда потерпевшим от преступлений в контексте единства публично-правового и частноправового модельного регулирования для государств – участников Содружества Независимых Государств // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы конференций 2020–2021 гг. // под ред. Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко, Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. М., 2021. С. 106–115.

Такой подход позволяет рассматривать компенсацию как категорию, имеющую достаточно широкое и, в тоже время, формально определенное содержание.

Поскольку компенсация должна быть справедливой, соответствующей и своевременной, ее размер должен определяться с учетом гражданско-правового принципа полного возмещения вреда, предполагающего полное соответствие размера причиненного вреда размеру и качеству предоставляемого потерпевшему возмещения. Определение размера вреда, причиненного потерпевшему, осуществляется с использованием экономических и правовых критериев. Потерпевшие, которым вред причинен непосредственно преступлением или запрещенным уголовным законом деянием, вправе предъявить гражданский иск о возмещении:

- 1) стоимости имущества, утраченного при совершении преступления или запрещенного уголовным законом деяния (в соответствующих случаях может быть предъявлен гражданский иск об истребовании имущества в натуре);
- 2) расходов на покупку эквивалента утраченного, а также восстановление качества, товарного вида и ремонт поврежденного имущества;
- 3) выгоды, упущенной в результате преступления или запрещенного уголовным законом деяния;
- 4) морального вреда (п. 1 ст. 7 МЗ).

В модельном законе закреплены и другие принципы возмещения вреда потерпевшим такие, как законность, добросовестность, равенство прав и свобод потерпевших независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; а также принцип содействия государства в организации возмещения причиненного преступлением вреда с помощью различных источников финансирования.

В модельном законе определены способы реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением или запрещенным уголовным законом деянием. Это гражданский иск в уголовном деле, добровольное возмещение вреда, заглаживание вреда (восстановительное правосудие), возвращение имущества потерпевшему и гражданскому истцу, компенсация за счет государственных и негосударственных источников финансирования возмещения вреда и иные виды выплат (ч. 2 ст. 5 МЗ).

При этом вред, причиненный преступлением, может быть возмещен добровольно лицом, его причинившим, или иными физическими или юридическими лицами. Это возможно на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе после вынесения и вступления в силу судебного решения, но до обращения его к исполнению (ст. 10 МЗ). Но при этом обязательно, чтобы потерпевший был согласен с размером компенсации. Само по себе добровольное возмещение причиненного вреда не влечет автоматического прекращения уголовного дела или преследования.

При заявлении гражданского иска в круг лиц, на которых возлагается обязанность возмещения вреда, причиненного потерпевшему и отнесенных к категории гражданских ответчиков, включены с учетом необходимых матери-

ально-правовых и процессуальных условий на основании ст. 12 МЗ следующие субъекты:

- 1) лицо, признанное вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления;
- 2) лицо, причинившее вред запрещенным уголовным законом деянием в состоянии невменяемости, в случаях, предусмотренных гражданским законодательством государства;
- 3) лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям;
- 4) лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи с примирением с потерпевшим, если на момент примирения оно не возместило вред в полном объеме, о чем в деле имеется подтверждающий документ;
- 5) лицо, несущее ответственность за вред, на основании решения суда, вынесенного в порядке гражданского судопроизводства, в случаях, предусмотренных гражданским законодательством государства.

*Участие государства в возмещении вреда гражданам,
потерпевшим от преступлений*

Одним их наиболее значимых в достижении восстановительных целей регулирования является принцип содействия государства в организации возмещения причиненного преступлением вреда с помощью различных источников финансирования. Для создания дополнительных гарантий защиты прав потерпевших, в том числе несовершеннолетних, в модельном законе предусматриваются нормы, которые определяют основание, размер и порядок возмещения вреда, причиненного преступлением, за счет государства (Раздел 3. «Ответственность государства за вред, причиненный преступлением»). Компенсация ущерба за счет государства осуществляется в тех случаях, когда она не может быть обеспечена другими средствами, способами и из других источников.

Концептуально достигнуто единство подхода к условиям компенсации государством вреда потерпевшим – выплачивается компенсация за вред, который был связан с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и личность гражданина. В п. 2 части 2 ст. 15 МЗ для конкретизации оснований участия государства в возмещении вреда потерпевшему приведен перечень составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (аналогичные нормы содержатся в гл. 18 УК РФ¹⁰, гл. 20 Модельного УК для государств – участников СНГ¹¹).

Государство обеспечивает выплату потерпевшему компенсации в случаях, когда виновное в совершении преступления лицо не установлено, либо не известно его местонахождение, либо местонахождение его известно, од-

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023). URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 23.08.2023).

¹¹ Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. URL: <https://base.garant.ru/2566472/> (дата обращения: 23.08.2023).

нако исполнить решение суда не представляется возможным, либо оно не может быть подвергнуто уголовному преследованию или наказанию, либо оно не имеет средств для исполнения решения в части возмещения вреда, либо при неотложной необходимости оказания материальной поддержки потерпевшему.

Государство будет участвовать в компенсационном процессе через государственное бюджетное учреждение «Фонд помощи гражданам, потерпевшим от преступлений». В ст. 23 МЗ определяются возможные источники формирования фонда, при этом перечень является открытым. Средства данного Фонда не подлежат изъятию государственными органами, министерствами и ведомствами.

Законодательством государств – участников СНГ могут быть установлены условия и порядок предоставления потерпевшему срочных выплат в счет компенсации вреда, причиненного преступлением, в зависимости от его нужды в материальной помощи и обеспеченности его семьи.

Разработанный модельный закон станет основой комплексного правового регулирования в государствах СНГ и создаст систему реальных гарантий защиты имущественных и личных неимущественных прав потерпевших вследствие преступлений.

Компенсация морального вреда потерпевшим вследствие имущественных преступлений

Экспансия института компенсации морального вреда и усиление защиты личных прав потерпевших

Институт компенсации морального вреда с помощью актов судебного толкования, исходящих от Конституционного Суда РФ (далее также – КС РФ) и Верховного Суда РФ (далее также – ВС РФ), значительно расширяет сферу своего применения в случаях нарушения гражданских прав при совершении имущественных преступлений, в том числе преступлений против собственности.

Фактором, способствующим такой экспансии, является очевидный отказ от формального подхода при определении юридико-фактического основания взыскания компенсации морального вреда. В одном из недавних постановлений Конституционного Суда РФ утверждается недопустимость отказа в компенсации морального вреда исключительно по формальным основаниям – отсутствия конкретного нормативного основания компенсации морального вреда, причиненного имущественным преступлением. Своеобразная «защитленность» на императивности нормативных оснований гражданско-правовой (деликтной) ответственности за причинение нравственных и физических страданий потерпевшему вследствие имущественных преступлений, например, преступления против собственности (мошенничества), умышленного уничтожения имущества и других, осталась в прошлом в практике правоприменения.

В значительной степени отмеченному прогрессу в обеспечении прав потерпевших способствовала четкость позиций Конституционного Суда РФ о реальном праве на судебную защиту и об идеальной роли правосудия. Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой право на судебную защиту прав и свобод не подлежит ограничению и пред-

полагает наличие гарантий, позволяющих реализовать это право в полном объеме и обеспечить восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости. Данное конституционное право является универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, оно выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других прав и свобод¹².

Поскольку каждый, как разъяснил Конституционный Суд РФ, может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами, постольку гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а «суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не оказалось ущемленным»¹³.

Если указанный «формализм» удастся преодолеть в судебной практике, связанной с деликтно-правовыми требованиями при рассмотрении гражданских исков в уголовном процессе или в порядке гражданского судопроизводства при осуществлении защиты неимущественных прав и нематериальных благ, явившихся объектом уголовного посягательства, восстановительная цель правосудия будет достигнута.

Отказ от «формализма» и особенности деликтно-правовой квалификации причинения вреда при совершении имущественных преступлений

Приведенная выше правовая позиция опирается на ранее сформулированные Конституционным Судом РФ подходы к установлению основания гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда, связанного с совершенным имущественным преступлением¹⁴. Обобщая, можно представить данные подходы в виде алгоритма.

– Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным Кодексом РФ (ст. 8).

– В зависимости от конструкции состава (материального либо формального) – общественно опасные последствия совершенного преступления могут входить или не входить в число признаков, обязательных для его признания оконченным.

¹² По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Федеративной Республики Нигерия Акинеми Муджиба Джунаида : постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2023 г. № 37ю URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451562/ (дата обращения: 23.08.2023).

¹³ Там же.

¹⁴ По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 № 45-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения: 23.08.2023). Содержательный разбор правовых позиций, изложенных в данном постановлении, дан А. Эрделевским. См.: Эрделевский А. О компенсации морального вреда в связи с нарушением имущественных прав: практика Конституционного Суда РФ (подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2022). URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kompensaciya_moralnogo_vreda_zn_narushenie_imuschestvennyh_prav/ (дата обращения: 23.08.2023).

– Даже если определенный вид вреда (например, имущественного) является обязательным элементом состава преступления, данное деяние способно повлечь и «иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), которые формально остаются за пределами законодательной конструкции состава преступления»¹⁵. Так, утраченная вещь может быть дорогой и любимой для потерпевшего, и это не зависит ни от ее стоимости, ни от ее назначения, потерпевший будет страдать.

– Хотя в этих случаях непосредственным объектом преступного посягательства выступают имущественные права потерпевшего, преступление нарушает и его личные неимущественные права либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага. Следовательно, отраженно данное преступление посягает и на личность потерпевшего.

– «Любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на достоинство личности – конституционно защищаемое и принадлежащее каждому нематериальное благо, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия»¹⁶.

– Таким образом, с учетом этого любое преступление против собственности фактически всегда посягает на достоинство личности, при определенных обстоятельствах оно может причинять потерпевшему от преступления как физические, так и нравственные страдания (моральный вред¹⁷).

В научных комментариях приведенных правовых позиций КС РФ высказано опасение о неоправданном расширении сферы применения института компенсации морального вреда, основанном на «спорном» соображении о том, что «любое преступление против собственности одновременно посягает и на такое неимущественное благо, как достоинство личности»¹⁸. С этим опасением можно было бы согласиться, если бы ни одно обстоятельство – в приведенном Постановлении КС РФ презумпция наличия морального вреда у потерпевшего вследствие имущественного преступления (в том числе преступления против собственности) может быть применена лишь при доказанности нарушения преступлением неимущественных прав или посягательства на нематериальные блага потерпевшего.

Действуя в рамках преемственности, Верховный Суд РФ внес свой вклад в разработку и утверждение в судебной практике правовых позиций, имеющих системное значение для восстановления нарушенных преступным посягательством прав и свобод личности.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (п. 4) предусматривается применение общих оснований компенсации морального вреда в случаях, если действия (бездействие), направленные против имущественных прав граж-

¹⁵ Эрделевский А. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., например: Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. М, 2023.

¹⁸ Эрделевский А. Указ. соч.

данина, одновременно нарушают его личные неимущественные права или посягают на принадлежащие ему нематериальные блага, причиняя этим гражданину физические или нравственные страдания¹⁹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данная позиция имеет общий характер и не увязана исключительно с преступным посягательством. Это само по себе показатель динамики в подходе к установлению основания компенсации морального вреда.

Далее, в специальном разъяснении (п. 5), касающимся преступлений против собственности, например, при совершении кражи, мошенничества, присвоения или растраты имущества, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и других, признается право потерпевшего предъявить требование о компенсации морального вреда, если ему причинены физические или нравственные страдания вследствие нарушения личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага (ч. 1 ст. 151, ст. 1099 ГК РФ и ч. 1 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ)²⁰.

Отметим также вклад Верховного Суда РФ в решение проблем, относящихся к судебной преюдиции и стандартам доказывания. Если судом установлено на основе исследования фактических обстоятельств дела, что преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага, сам факт причинения морального вреда потерпевшему от преступления не нуждается в доказывании (п. 17 Постановления № 33).

Верховный Суд РФ в разъяснениях, приведенных в Постановлении № 33, признает презумпцию наличия морального вреда у потерпевшего при совершении в отношении него имущественного преступления (в том числе преступления против собственности) (п. 17), и это связано с общей тенденцией к снижению стандарта доказывания при взыскании морального вреда. Так, в п. 12 Постановления Пленума № 33 ничего не говорится о необходимости для потерпевшего доказывать перенесенные физические или нравственные страдания. Потерпевший (истец) должен доказать лишь факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага (в случаях, указанных в п. 15, 17, 55 Постановления № 33, в этом нет необходимости), а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред (п. 12 Постановления № 33)²¹. Это не исключает право потерпевшего

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее по тексту – Постановление Пленума № 33. См.: также: п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее по тексту – Постановление Пленума). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ П. 12 Постановления № 33.

См.: Губаева А. К., Ли Чж., Кратенко М. В. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2 (60). С. 261.

представлять доказательства о характере или длительности причиненных ему страданий – для обоснования размера взыскиваемой суммы компенсации.

Еще одной важной проблемой, в отношении которой дана правовая позиция Верховного Суда РФ, является применение принципа полного возмещения при взыскании компенсации морального вреда. Так, «факт получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем вреда компенсации как в денежной, так и в иной форме, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключает возможности взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства» (п. 24 Постановления № 33). При этом, если, исходя из обстоятельств дела, с учетом положений ст. 151 и 1101 ГК РФ суд придет к выводу о том, что компенсация, полученная потерпевшим во внесудебном порядке, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные ему физические или нравственные страдания, он вправе взыскать компенсацию морального вреда в пользу потерпевшего (п. 24 Постановления № 33). Принцип полного возмещения вреда, являющийся базовым в деликтном праве, не действует в своем общем виде при определении размера компенсации морального вреда. Критерии определения размера компенсации, взыскиваемой судом, являются специальными и предусмотрены не общими правилами ст. 15, 393, 1064, а специальной нормой ст. 1101 ГК РФ, содержание которой отличается единством субъективных и объективных факторов.

Судебная защита имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, несомненно, осложняется в случае, когда в одном деянии содержатся признаки различных видов правонарушений (к примеру, преступления и деликта, административного правонарушения и деликта). Проблема разграничения оснований ответственности остается актуальной и поэтому Верховный Суд РФ оправданно обращается к ее решению в постановлениях по конкретным делам. К примеру, в судебном акте, принятом Судебной коллегией Верховного Суда РФ, связанном с мошенническими действиями И., констатируется, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения, – иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности вопреки конституционным требованиям²². При этом оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уго-

²² Определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2023 г. № 49-КГ23-2-К6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284733/ (дата обращения: 23.08.2023). См. также: По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.08.2023).

ловное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела.

Уголовная и гражданско-правовая ответственность имеют различные основания, соответственно, при рассмотрении заявленного гражданского иска о возмещении причинённого преступлением вреда суд не связан решением о прекращении уголовного дела в части установления наличия состава гражданского правонарушения, однако обязан произвести всестороннее и полное исследование доказательств по делу и дать им надлежащую оценку²³.

Проблема признания презумпции наличия морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в результате совершения в отношении потерпевшего преступления, все чаще отражается в актах Верховного Суда РФ, и это повлияет на изменение практики рассмотрения конкретных дел нижестоящими судами. Показательно в этом отношении дело по иску Г., который лишился крупной суммы денег в результате кражи в его гостиничном номере. Предъявленное к двум осужденным за кражу лицам и гостинице требование о компенсации в солидарном порядке морального вреда не было удовлетворено судом первой инстанции, решение которого было поддержано апелляционной и кассационной инстанциями, указавшим, что «какие-либо личные неимущественные права истца нарушены не были, а взыскание компенсации морального вреда за нарушение имущественных прав в данном случае законом не предусмотрено»²⁴. Верховный Суд РФ отменил судебные акты по иску и обратил внимание на то, что моральный вред может заключаться не только в физических страданиях, которые могут объективно выражаться в расстройстве или повреждении здоровья, но и в нравственных страданиях, которые могут не иметь внешнего проявления и могут не влечь повреждения или расстройства здоровья. «В случае нарушения противоправными действиями личных неимущественных прав гражданина или посягательстве на принадлежащие ему нематериальные блага наличие нравственных страданий предполагается и доказыванию не подлежит»²⁵.

Применительно к рассматриваемому спору Судебная коллегия обратила внимание на то, что ответчики совершили кражу с незаконным проникновением в жилище. Факт нарушения ими права истца на неприкосновенность жилища был установлен приговором суда, а при таких обстоятельствах отказ в иске о компенсации морального вреда нельзя было признать законным.

По сути, по конкретному делу высказана более широкая позиция, означающая признание общей (универсальной) презумпции наличия морального вреда при нарушении противоправным деянием неимущественных прав и посягательстве на нематериальные блага потерпевшего, хотя в самом Постановлении № 33 такая презумпция в общей форме не была сформулирована.

²³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 18 апреля 2023 г. № 49-КГ23-2-К6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284733/ (дата обращения: 23.08.2023).

²⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 5-КГ22-99-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Там же.

Однако нельзя не признать, что она необходима, поскольку в современном обществе существует особый запрос на усиление процессуальных и материально-правовых гарантий защиты прав личности, многие из которых имеют абсолютный характер.

Санкт-Петербургский государственный университет
Губаева А. К., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Сидорова Н. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Saint Petersburg State University
Gubaeva A. K., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law Department
Sidorova N. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedure
and Criminalistics Department
E-mail: e.okladnikova@spbu.ru

С. П. Кушниренко,
В. Д. Пристансков

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривается и обосновывается концепция криминалистического познания и исследования события преступления как явления реальной действительности, дается определение понятия «событие преступления», рассматриваются вопросы систематизации и классификации структурных обстоятельств события. Выделяются два аспекта исследования события преступления: концептуально-понятийный (определение понятия и выделение системных элементов) и деятельностный (исследование структуры и анализ функций). Событие преступления рассматривается как целостный содержательный образ структурированного знания, элементы которого вычлняются в соответствии с решаемыми криминалистическими задачами и который может быть представлен понятиями, формулой, схемой. Предлагается общая универсальная структура событийной системы преступления и дается методика криминалистического анализа на основе применения аналитической структурной формулы события преступления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: событие преступления, концепция криминалистического исследования, структурно-аналитическая формула, криминалистический комплексный анализ.

ON THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF FORENSIC COGNITION AND CRIME EVENT STUDIES

The article examines and substantiates the concept of forensic knowledge and the study of a crime event as a phenomenon of reality, gives a definition of the concept of “crime event”, and considers the issues of systematization and classification of the structural circumstances of the event. There are two aspects of the study of a crime event, which highlighted: conceptual (definition of the concept and identification of system elements) and activity (study of the structure and analysis of functions). The crime event is considered as a holistic, meaningful image of structured knowledge, the elements of which are isolated in accordance with the forensic tasks being solved and which can be represented by concepts, formulas, and diagrams. A general universal structure of the event system of a crime is proposed and a methodology for forensic analysis is given based on the application of the analytical structural formula of a crime event.

K e y w o r d s: crime event, concept of forensic research, structural-analytical formula, forensic complex analysis.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Развитие науки на рубеже XX–XXI вв. (теория относительности, квантовая механика, IT-технологии, искусственный интеллект и др.) показало принципиальную невозможность построения одной единственно верной теории в любой отрасли науки. Принцип “anything goes” (P. Feyerabend, 1975) стал

вершиной поликонцептуальности¹. Однако любое исследование строится на определенных теоретических и методологических установках, включая ранее разработанные и признанные научным сообществом.

В полной мере это относится и к научным разработкам в криминалистике. Концептуализация как методологическая процедура, обеспечивающая теоретическую организацию криминалистических знаний, включает в себя процесс определения когнитивных признаков объектов реального мира, познаваемых криминалистической наукой. Таким образом криминалисты пополняют новой информацией ранее очерченные ими криминалистически значимые понятия или расширяют представление о них, или создают новые с учетом криминализации тех или иных отношений в обществе

Не являются исключением исследования, посвященные познанию события преступления. Несмотря на то что понятие «событие преступления» используется учеными-юристами и признается ими исконно процессуальным термином, оно до сих пор не имеет своей дефиниции. Тем не менее сам термин традиционно находится в фокусе исследовательского внимания юристов, и прежде всего процессуалистов и криминалистов. Так, Т. С. Волчецкая указывает, что при расследовании конкретного преступления перед следователем стоят две взаимосвязанные задачи: установить «основные черты произошедшего события» и «при помощи процессуальных средств и методов донести сущность установленного события для другого познающего субъекта (например, для суда)»². Мы полностью разделяем эту позицию. Во-первых, она соответствует ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в которой сказано, что следователь должен при обнаружении признаков преступления принять меры по установлению события преступления. Во-вторых, концептуальное осознание произошедшего события преступления как явления в прошлом должно совпадать с его содержанием, и последнее не может быть отделено от первого. В п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ также указано, что подлежит доказыванию: «событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)». При этом в уголовно-процессуальном законе отсутствует определение понятия «событие преступления». Каким тогда должен быть ответ на вопрос: каковы основные черты произошедшего события и что считать его сущностью? Из вышесказанного можно сделать вывод, что перечень обстоятельств события остается открытым. Так ли это? Безусловно структуризация события преступления в научных интересах и для понимания ее в правоприменительной практике нуждается в своем осмыслении и в первую очередь в определенной систематизации и классификации структурных обстоятельств события как реального произошедшего явления. И здесь мы полностью разделяем позицию Л. Т. Ульяновой о том, что обстоятельства, указанные в других пунктах ч. 1 ст. 73 УПК РФ, должны учитываться как «составная часть» события преступле-

¹ Позиция П. Фейерабенда, выражением которой стал принцип «anything goes» (все дозволено), получила название эпистемологического анархизма. Фейерабэнд пришел к выводу, «что всякая методология – даже наиболее очевидная – имеет свои пределы...» См.: Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 164–165.

² Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография. / под ред. Н. П. Яблокова. URL: <https://studfile.net/preview/1101132/page/8/> (дата обращения: 22.08.2023).

ния³. В этом случае перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, не расширяется, а лишь уточняется понятиями системных элементов структуры события преступлений конкретных видов.

Доказывание всех перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств требует на основе ретроспективного анализа установления и исследования обстоятельств события преступления как системноорганизованного явления действительности, имеющего такой набор обязательных элементов, взаимоотношения которых обеспечивают его динамику, а их причинно-следственные отношения определяют закономерности отображения посягательства и его последствий в виде материальных и идеальных следов. Именно в таком аспекте событие преступления является объектом криминалистического познания. Цель криминалистического познания предопределена уголовно-процессуальным законом: установить факт события преступления и лиц, причастных к его совершению, путем обнаружения, исследования и оценки следов противоправной деятельности, повлекшей общественно опасные последствия.

Из сказанного следует, что событие конкретного преступления в криминалистическом аспекте исследуется в широком смысле, будучи направленным не только на формирование доказательств по всем элементам состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, но и на получение сведений, используемых в планировании дальнейшего хода расследования. Такой подход только подтверждает, что «главным фактом» остается событие преступления и виновность лица, причастного к его совершению, остальные факты, содержащиеся в перечне ст. 73 УПК РФ, входят в него в понятиях, зависящих от особенностей вида посягательства и от обстоятельств, его обусловивших. Как пишет П. А. Лупинская, «без установления фактических обстоятельств (т. е. главного факта) происшедшего события, действий лица, побуждений, формы его вины, мотивов его действий и их последствий невозможно решить вопросы о том, имело ли место преступление, виновно ли лицо и в чем именно, какое должно понести наказание»⁴.

Разработка концепции криминалистического познания события преступления предполагает обозначение двух аспектов исследования: концептуально-понятийного (определение понятия и выделение системных элементов) и деятельностного (исследование структуры и анализ функций).

Концепция криминалистического исследования события преступления – это восприятие его как реального, системного, динамичного явления, способствующее построению его информационной модели на основе системного анализа его функционирования. Оптимальное исследование системных элементов (обстоятельств) события преступления обеспечивается специальными криминалистическими методами, разработанными на основе системного подхода к изучению структуры события. Из их числа выделим, на наш взгляд, наиболее адаптированные для решения криминалистических задач: криминалистическое моделирование, версионный подход, криминалистический факторный анализ, комплексный подход, программно-целевой метод

³ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 208–209.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 2001. С. 136.

(ПЦМ)⁵ и др. На разных стадиях процесса исследования события указанные методы могут использоваться с разной интенсивностью в зависимости от реальной следственной ситуации, и прежде всего от объема располагаемой следователем криминалистически значимой информации. В своей совокупности эти и другие методы могут рассматриваться в качестве комплексного криминалистического анализ.

В качестве самостоятельного концепта событие преступления выступает как целостный содержательный образ структурированного знания, элементы которого вычленяются в соответствии с решаемыми криминалистическими задачами и который может быть представлен понятиями, формулой, схемой. Так, Г. А. Густов по поводу элементов «криминалистической (реальной) системы» говорит как о вовлеченных в процесс преступной деятельности людей, вещей, процессов, явлений и т. д. Также он отмечает, что «в отличие от уголовно-правовых элементов состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны), являющихся юридическими понятиями, элементы реальной системы преступления существуют фактически и обладают всеми качествами, присущими объектам материального мира»⁶. Генрихом Арсеньевичем была предложена общая универсальная структура событийной системы преступления, которая будет приведена ниже. Она успешно используется для разработки криминалистических методик расследования⁷. Также она была использована Г. А. Густовым для создания структурно-аналитической формулы (САФ), которая применяется в следственной практике и учебном процессе по курсу «Криминалистика» в СПбГУ в качестве методического инструментария исследования обстоятельств события преступления. В ходе применения САФ на практике первоначальная ее структура была нами дополнена. Так, в структуру психической деятельности помимо мотива и цели включено целеполагание как практическое осмысление и планирование субъектом своих действий по достижению преступной цели.

Криминалистический комплексный анализ из-за его сложности можно условно разделить на следующие этапы: общий анализ имеющейся в деле информации; анализ информации об отдельных системных обстоятельствах события преступления; анализ доказательственной информации о виновности (невиновности) обвиняемого (подозреваемого).

У каждого этапа свой объект изучения, свои задачи, инструменты, средства познания. *Общий анализ.* Объектом анализа является информационное состояние дела в целом. Задачи анализа: а) на начальном этапе расследования – переработка имеющихся данных, уяснение ситуации, решение вопросов о наличии, полноте информации по делу в целом, выдвижение общих версий, определение направлений расследования; б) на последующих – контроль за

⁵ См.: Криминалистика : учебник / под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанкова. М., 2023. С. 31–32.

⁶ Курс криминалистики : в 3 т. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. СПб., 2004. С. 50–51.

⁷ См.: Криминалистика : учебник. С. 434–444, 454–458, 604–610 ; Глобальный индекс экстремизма : монография / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова. СПб., 2023. С.191–200.

движением дела в целом, выдвижение частных версий, построение вероятностных моделей события преступления; в) на заключительном этапе расследования – контроль за полнотой, всесторонностью исследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, построение достоверной модели события преступления.

Анализ отдельных системных обстоятельств события преступления. Объектом такого анализа является состояние доказательственной информации по отдельным элементам обстоятельств и тем объективным факторам, которые определяют процесс посягательства. Задача анализа – решение вопросов о полноте исследования и доказанности изучаемого объекта. Инструментами криманализа на данном этапе являются: а) криминалистические программы, ориентированные на изучение конкретного объекта; б) соответствующие аналитические формулы; в) процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия, позволяющие реализовать организационно-тактические решения.

Общий анализ ситуации, определение основных направлений расследования. Инструментом общего анализа является аналитическая структурная формула события преступления, в которой оно представлено как система реального явления действительности в прошлом (оно уже исторически произошло), а его обстоятельства как элементы этой системы, информацию о которых надо восстановить на основе ретроспективного анализа и системного подхода к установлению и изучению каждого из обстоятельств, находящихся между собой в причинно-следственных отношениях, объективной сущностью которых является причинно-следственная связь между противоправным деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями (по Г. А. Густову):

$$\text{СбтПр} \rightarrow [\text{Прд} \cdot \text{Сб} \cdot (\text{ФзД} \rightarrow \text{ПсхД} \rightarrow \text{ФПсл}) \cdot \text{Мст} \cdot \text{Вр}] \leftrightarrow \text{Обст},$$

где СбтПр – событие преступления; Прд – предмет (жертва) преступного посягательства (имущество, здоровье и жизнь человека и др.); Сб – субъект – преступник; ФзД – физическая деятельность – трехэтапная деятельность преступника: действия до совершения посягательства, система действий как способ преступного деяния, действия после совершения преступления; ПсхД – психическая деятельность; ФПсл – факты-последствия – события, возникшие вследствие совершенного преступного деяния, или события, на которые повлиял факт преступления; Мст – место совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника; Вр – время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника; Обст – обстановка: причины, способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось; · – заменяет значение союза “и”; → – знак, заменяющий слова «если... то»; ↔ – знак прямой и обратной связи; [] – скобки обозначают достаточность системы события преступления как целостного явления действительности.

Чтобы воспользоваться аналитической структурной формулой, для выведения суждений об объективной возможности преступления, необходимо выполнить следующее.

1. Изучить первичную информацию на предмет, что известно по каждому обстоятельству события, что необходимо установить, какие процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо для этого выполнить.

2. Проанализировать информацию, полученную после проведения первого этапа расследования. Если доказательств недостаточно, уточнить, что и каким образом необходимо выяснить при дальнейшем расследовании и организовать поиск недостающих данных, ориентируясь при этом на криминалистическую характеристику как информационную модель события преступления.

3. Сделать выводы, используя результаты анализа. Возможны три варианта результатов:

а) все элементы формулы оказались со знаком "+". Значит, наиболее вероятно, что в реальности существовали все элементы системы события преступления, оно совершено. Следовательно, надлежит переходить к проверке виновности подозреваемого и изобличению преступника;

б) какой-либо из элементов формулы получил знак "-". Значит, совершение преступного деяния исключено. Например, есть данные, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, действовало в состоянии крайней необходимости или не достигло возраста уголовной ответственности;

в) какой-либо из элементов формулы получил знак "?". Это означает, что в деле нет достаточных сведений для достоверного суждения о наличии или отсутствии какого-то обстоятельства события преступления. Следовательно, совершение преступления не исключается, и расследование надлежит продолжить в направлении изучения элемента или элементов, получивших знак "?".

4. По результатам исследования проблемных элементов (получивших знак "?") вновь вернуться к общему анализу ситуации, повторить его и принять соответствующее решение по делу⁸.

Использование методики криминалистического анализа на основе применения аналитической структурной формулы события преступления позволяет значительно расширить объем исследования криминалистически значимых признаков (свойств и отношений) обстоятельств (элементов) события преступления, способствуя тем самым продуктивному решению криминалистических задач по их всестороннему, полному и объективному исследованию.

Создание концептуальной модели события преступления определяет стратегию разработки новых методов криминалистических исследований системных элементов (обстоятельств) его структуры, изучения характера и механизма причинно-следственных внутренних и внешних связей и порождаемых ими закономерностей функционирования криминального явления, а также создания понятийного аппарата, соответствующего специфики средовой и личностной (мотивационной) детерминанте преступной деятельности.

⁸ См. : Густов Г. А. К разработке криминалистической теории расследования // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. Т. 2 / науч. ред. А. М. Дворянский. СПб., 2001. С. 126–135.

Санкт-Петербургский государственный университет
Кушниренко С. П., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пристансков В. Д., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Saint Petersburg State University
Kushnirenko S. P., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedure
and Criminalistics Department
Pristanskov V. D., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedure
and Criminalistics Department
E-mail: fotina580@yandex.ru

ПРОВЕРОЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматривается система проверочных производств, направленных на пересмотр состоявшихся итоговых решений по уголовным делам в соответствии с действующим в Чешской Республике уголовно-процессуальным законом. Приводится описание места этих производств в системе уголовно-процессуального закона, дается их краткая характеристика. В частности, рассматриваются основные характеристики апелляционного и стижностного производства, кассации и жалобы на нарушения законности, возобновление производства по уголовному делу, приводится описание и специфических видов (возражения и жалоба на нарушение прав человека в Конституционный суд).

К л ю ч е в ы е с л о в а: производства по пересмотру, ревизия, апелляция, кассация, res judicata.

REVISION OF THE FINAL DECISIONS IN A CRIMINAL PROCEEDING OF THE CZECH REPUBLIC

The author considers the system of revision of the final decisions in a criminal proceeding of the Czech Republic and gives a description of these proceedings in the system of criminal procedure law. He provides general description of the appeal, "stiznost" procedure, cassation, complaints about the law violation, renewal of criminal procedure and two specific proceedings (objections to a court criminal order and complaint to the Constitutional court for violation of human rights).

К е у в о р д s: minal proceedings, appeal, cassation, revision, res judicata.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Возможность пересмотра решения по уголовному делу является важной гарантией права на защиту и справедливое разбирательство. Через устройство таких производств государство определяет порог толерантности к судебным ошибкам, обеспечивает механизмы защиты прав конкретных участников судопроизводства от ошибочного решения, а также обеспечивает механизмы управления судебной практикой с целью обеспечения ее единообразия. И одним из вариантов достижения таких целей является предоставление возможности не только обжаловать состоявшееся решение, но и среагировать на допущенные судами ошибки при рассмотрении дел и через формирование единообразной практики способствовать защите прав всех участников уголовного судопроизводства, обеспечивать законность и справедливость в широком смысле¹. Все производства по пересмотру итоговых решений именуются в дословном переводе как «исправительные средства», т. е. механизмы, прежде всего направленные на устранение допущенных ошибок².

¹ Trestní právo procesní / Fenyk J., Císařová D., Gřivna T. a kol. 7, aktualizované vydání. Praha, 2019. S. 583–586.

² См., например, пояснительную записку к проекту закона № 265/2001 Sb.: Sněmovní tisk 785/0 VI. novela trestního řádu. S. 140–141 / Poslanecká sněmovna Parlamentu České

© Тузов А. Г., 2024

В теории чешского уголовного процесса выделяются три цели проверочных производств, отражающие отношение государства к возможности устранения ошибок и их особое место в системе судопроизводства в целом³. *Всеобъемлющая цель* понимается как достижение общей цели уголовного судопроизводства, выражающейся как в правильном разрешении конкретного дела, так и во взаимной проверке законности и правильности деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, защите охраняемых законом интересов и прав участников уголовного судопроизводства, что приводит к повышению качества реализации принципа законности, правовой определенности и справедливости в уголовном судопроизводстве⁴. *Широкая цель* предопределена тем, что пересмотр состоявшегося решения является одновременно и средством проверки деятельности органов, ведущих уголовное преследование, позволяющим произвести анализ принимаемых решений, обобщить практику применения норм закона, чем обеспечить единообразие судебно-следственной правоприменительной практики⁵. Широкая цель позволяет в целом повысить качество работы всей правоохранительной системы страны⁶. *Непосредственная цель* связана с устранением ошибок, допущенных при рассмотрении конкретного дела. При этом такое устранение ошибок должно быть быстрым, всегда обусловлено интересом участников уголовного судопроизводства, направлено на устранение недостатков конкретного решения по делу⁷.

Опираясь на обозначенный базис, подчинена и вся логика построения проверочных производств, имеющая следующие основные черты: 1) все имеют безусловное право как минимум на один пересмотр своего дела, а вообще все средства обжалования конечны и ограничены; 2) вступивший в законную силу приговор или иное решение по делу может быть пересмотрено с соблюдением баланса с принципом правовой определенности, разрешенности дела (*res judicata*) и с необходимостью соблюсти гарантии права на справедливое судебное разбирательство; 3) каждое последующее производство имеет меньше возможностей обратиться к нему и меньшее количество оснований для изменений; 4) все существенные нарушения, допущенные при рассмотрении дела, должны быть в любом случае устранены; 5) каждое дело должно иметь возможность быть пересмотренным в Верховном суде страны только один раз.

Все проверочные производства по уголовно-процессуальному законодательству Чехии построены, исходя из концепции двух инстанций рассмотрения уголовных дел. Это означает, что каждому гарантируется право на рассмотрение его дела по существу (первая инстанция) и абсолютное право на один пере-

republiky. URL: <https://www.psp.cz/sqw/text/tiskt.sqw?o=3&ct=785&ct1=0> (дата обращения: 30.07.2023).

³ См.: *Trestní právo procesní / Musil J., Kratochvíl V., Šámal P. a kol. 3, přepracované a doplněné vydání. Praha, 2007. S. 876–877*; *Trestní právo procesní / Jelínek J. a kol. 6, vydání. Praha, 2022. S. 658–659*; *Trestní řízení / Chmelík J. a kol. Plzeň, 2014. S. 355*; и др.

⁴ См.: *Trestní právo procesní / Fenyk J., Císařová D., Gřivna T. a kol.*

⁵ См.: *Visinger R. Stížnost pro porušení zákona ve věcech trestních. Praha, 2015. S. 4*; *Trestní právo procesní / Jelínek J. a kol. 6 vydání. Praha, 2022. S. 658.*

⁶ См.: *Dvořáková I. Odvolání v trestním řízení : disertační práce. Praha, 2008. S. 9.*

⁷ См.: *Trestní právo procesní / Fenyk J., Císařová D., Gřivna T. a kol.*

смотр результата (вторая инстанция). При этом ряд процессуальных решений, принятием которых производство по уголовному делу заканчивается, приобретают свойства итоговых решений, несмотря на то что принимаются в досудебной стадии государственным обвинителем, а процедура, в которой принимаются такие решения, приравнивается к рассмотрению дела в первой инстанции (ч. 2 ст. 141 и др.). Остальные механизмы защиты права на пересмотр решения в его деле носят экстраординарный характер, поскольку обратиться к таким производствам может лишь ограниченный круг субъектов, по ограниченным основаниям и всегда – обжалуются вступившие в законную силу решения.

В любом случае пересмотр во всех видах производств допускается лишь в отношении следующих основных видов итоговых решений по уголовному делу: 1) приговор (обвинительный, оправдательный) и приговор, постановленный на основании ходатайства государственного обвинителя об утверждении соглашения о вине и наказании (ст. 225, 314г); 2) уголовный приказ (ст. 314е); 3) постановление о прекращении уголовного преследования (ст. 172, 223); 4) постановление суда о возвращении уголовного дела государственному обвинителю (ст. 221); 5) постановление об условном прекращении уголовного преследования (ст. 223а, 307); 6) постановление о прекращении производства по уголовному делу в связи с примирением с потерпевшим (ст. 223а, 309); 7) постановление о передаче дела для рассмотрения в порядке административного или дисциплинарного производства (ст. 175, ч. 2 ст. 222).

К ординарным производствам, которыми обеспечивается двухинстанционное строение процесса, относятся апелляционное и производство по жалобам (стижность). Апелляция и жалоба как средства правовой защиты неизбежно обладают девальвативным эффектом, но только апелляции характерен абсолютный суспензивный эффект, а вот для жалоб – только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Апелляция может быть принесена только на приговор по уголовному делу, а на иные постановления, принимаемые судом или государственным обвинителем (в досудебной стадии), которыми разрешается дело по существу – приносятся жалобы, рассматриваемые в стижностном производстве, отличающемуся от апелляции меньшей формализованностью.

Апелляционное производство и производство по жалобам фактически возбуждаются фактом подачи соответствующей жалобы, предусматривают право предоставлять новые доказательства, предполагают возможность пересмотра состоявшегося решения по любым основаниям, в результате чего уполномоченный орган может принять новое решение (апелляция и жалоба) либо направить дело на новое рассмотрение, отменив обжалуемый приговор полностью или частично (апелляция).

Ординарные формы доступны широкому кругу лиц, включая близких родственников обвиняемых, обладают большими возможностями к выявлению и устранению допущенных в предыдущих стадиях ошибок, в том числе путем проведения нового доказывания. Также к ординарным формам можно отнести и возможность подачи возражений на уголовный приказ по уголовному делу, фактом подачи которого он аннулируется, и дело подлежит рассмотрению в общем порядке с вынесением приговора.

Экстраординарные производства представлены кассационным производством, производством по жалобе на нарушение закона, которые отнесены к исключительной компетенции Верховного суда, а также ходатайством о возобновлении производства. Кассация и жалоба на нарушение закона предусматривают возможность оспаривания состоявшихся решений только по существенным нарушениям уголовного и уголовно-процессуального закона, что предполагает определенную фильтрацию таких жалоб на стадии их рассмотрения Верховным судом, а это в свою очередь обусловлено тем, что Верховный суд должен не столько устранять небольшие ошибки в конкретных делах, сколько осуществлять функцию судебного управления и обеспечивать единообразие правоприменительной практики⁸.

Кассация может быть подана государственным обвинителем, обвиняемым, по отдельным вопросам – потерпевшим, а жалоба на нарушение закона может быть подана только министром юстиции. Предметом рассмотрения являются только такие нарушения, допущенные при рассмотрении уголовного дела, которые были настолько серьезными, что представляют значение не только для конкретного дела, но и для правоприменительной практики в целом (правда, любые нарушения, ухудшающие положение осужденного, конечно, должны быть устранены). При этом отличительной чертой является и то, что при поступлении в Верховный суд кассационной жалобы и жалобы на нарушение закона по одному и тому же делу влечет объединение этих производств и суд рассматривает их в одном заседании.

При этом для проверки отдельных обстоятельств жалоб суд может провести ограниченное по объему доказывание, однако, как и в апелляции, суд при доказывании может давать поручения органам полиции для производства отдельных следственных действий. На этих стадиях допустимо как до рассмотрения жалоб, так и при постановлении решения по итогам рассмотрения жалобы решать вопросы приостановления исполнения назначенного наказания, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и другие вопросы, связанные с возложенными на осужденного обязанностями обжалуемым решением.

Ходатайство о возобновлении производства вправе подать основные участники судопроизводства с целью устранения ошибок факта в состоявшемся приговоре, которые вскрылись в связи с возникновением новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако такое ходатайство может быть подано в ограниченном сроке – 150 % срока давности уголовного преследования. После дело утрачивает значение и государство не готово тратить на него свои ресурсы. Примечательно, что ходатайство подается в суд первой инстанции непосредственно самими участниками уголовного судопроизводства. При этом допускается приведение новых обстоятельств (сведений о фактах, которые могли оказать влияние на выводы суда по делу, если они были бы известны суду при рассмотрении дела по существу), а также доказательств. Суд с целью проверки заявленных доводов также уполномочен провести доказывание в этом пределе даже путем направления запросов в органы полиции на производство

⁸ См.: *Angyalossy E. Dovolání v trestním řízení se zaměřením na současnou problematiku : rigorózní práce. Brno, 2019. S. 22–23.*

отдельных следственных действий. Предметом рассмотрения в данном производстве является оценка, могли ли новые или вновь открывшиеся обстоятельства повлиять на итоговое решение по делу, если они были бы известны суду во время первоначального рассмотрения дела. Если да, то итоговое решение подлежит отмене, а дело новому рассмотрению в суде первой инстанции.

Помимо перечисленных исключительно уголовно-процессуальных средств защиты от ошибок в итоговом решении, участникам доступна индивидуальная жалоба в Конституционный суд, предметом которой может выступать допущенное нарушение прав человека при рассмотрении уголовного дела. При этом в большинстве случаев речь идет о нарушении стандартов справедливого судебного разбирательства, предусмотренных как ст. 6 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, так и корреспондирующими ей ст. 36–40 Хартии об основных правах и свободах⁹, являющейся частью конституционного порядка Чехии. Конституционный суд, рассматривая такую жалобу, получает мнение от всех участников (включая суд), истребует материалы уголовного дела (если требуется). Установив факт допущенных нарушений, суд вправе признать состоявшиеся решения по уголовному делу незаконными и отменить их своим решением. С таким исходом уголовно-процессуальный закон связывает необходимость возобновить производство с той стадии, в которой нарушение было допущено и рассмотреть дело заново.

Представляется, что существующая система проверочных производств по уголовным делам в Чехии, ставшая результатом 30-летнего развития, приобрела взвешенные формы, гарантирующие, с одной стороны, достаточные для демократического государства гарантии для обвиняемого и потерпевшего, а с другой – позволяющие осуществлять эффективное судебное управление правоприменительной практикой и обеспечивать поддержание стабильности правовой системы, поскольку при достижении *res judicata* добиться отмены состоявшегося решения – непростая задача, даже если по конкретному делу и была допущена несущественная ошибка. Между тем если будет выявлено существенное нарушение закона, допущенное при рассмотрении дела, приведшее к ухудшению положения осужденного, то суду доступны широкие возможности для ее устранения. В частности, проведение доказывания отдельных обстоятельств, имеющих значение для дела, в том числе и средствами органа полиции. Разумная процессуальная экономия позволяет устранять допущенные ошибки меньшими затратами времени – отменяя состоявшееся решение не целиком, а частями (за исключением выводов нижестоящих судов о вине), соответственно с направлением дела на новое рассмотрение лишь в части. Для рассмотрения жалоб по отдельным доводам либо очевидным доводам – не обязательно проводить открытые судебные заседания с вызовом сторон. Чем выше инстанция, тем больше возможности принять решение по поступившим жалобам в закрытых заседаниях (т. е. заседаниях, в которые стороны не вызываются). Однако в этой части Конституционный суд Чехии обращает внимание (и последнее время последовательно отменяет судебные решения) на то, что вызов сторон и рассмотрение жалоб с их участием обязательно, если

⁹ См.: Listina základních práv a svobod / Usnesení předsednictva České národní rady // Sbírka zákonů č. 1993. 2.

в процессе рассмотрения будут представляться и оцениваться доказательства. В этом смысле чешский уголовный закон будет еще претерпевать изменения, как считает автор, сокращая основания для проведения таких заседаний, поскольку само по себе непредоставление возможности высказать отношение к рассматриваемым доводам любой из сторон уголовного судопроизводства неизбежно поражает эту сторону в правах на справедливое разбирательство¹⁰.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Тузов А. Г., кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Tuzov A. G., Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: e.okladnikova@spbu.ru*

¹⁰ См., например: *Nález Ústavního soudu I.ÚS 55/04 ze dne 18.08.2004 / NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky. URL: <http://nalus.usoud.cz/Search/GetText.aspx?sz=1-55-04> (дата обращения: 30.07.2023) ; *Nález Ústavního soudu I.ÚS 1135/17 ze dne 01.11.2017 / NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky. URL: <http://nalus.usoud.cz/Search/GetText.aspx?sz=1-1135-17> (дата обращения: 30.07.2023).**

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА КИТАЯ

Данная статья охватывает ранний период становления права в Китае. Автор рассматривается и анализируется вклад Российской Духовной Миссии в изучение источников права Китая. Обобщение законодательного материала Китая участниками Миссии позволяет увидеть и обосновать логику современного законодателя в КНР. Изначальное отсутствие разделения права на уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное не препятствует тому, чтобы убедиться, насколько полно и многогранно регламентируются различные институты данных отраслей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное право КНР, уголовно-процессуальное право КНР, источники уголовно-процессуального права КНР, Российская Духовная Миссия, источники китайского права, развитие права в КНР.

THE ROLE OF THE RUSSIAN ECCLESIASTICAL MISSION IN THE STUDY OF THE SOURCES OF CHINESE LAW

This article covers the early period of the development of law in China. The author examines and analyzes the contribution of the Russian Spiritual Mission to the study of the sources of Chinese law. The generalization of the legislative material of China by the Mission participants allows us to see and substantiate the logic of the modern legislator in the PRC. The initial lack of division of law into criminal, criminal procedural and criminal executive law does not prevent us from making sure how fully and comprehensively the various institutions of these industries are covered.

К е у w o r d s: criminal law of the People's Republic of China, criminal procedure law of the People's Republic of China, sources of criminal procedure law of the People's Republic of China, Russian Spiritual Mission, sources of Chinese law, development of law in the People's Republic of China.

Поступила в редакцию 23 августа 2023 г.

Изучение Китая российскими учеными насчитывает более трехсот лет и со временем интерес лишь увеличивается. Благодаря тем ученым, которые развивали российское китаеведение, на сегодняшний день мы имеем глубочайшие познания, связанные с китайской культурой, правом, китайской государственностью и не только.

В настоящее время российско-китайское взаимодействие характеризуется достаточно широким спектром областей сотрудничества. Страны сотрудничают не только на высшем уровне, затрагивая торгово-экономические, гуманитарные отношения, отношения в международной сфере, в том числе участие в международных и региональных организациях, а также и в образовательной сфере. Так, в Санкт-Петербургском государственном университете реализуется образовательная программа бакалавриата, в рамках которой обучающиеся углубленно изучают различные отрасли права КНР – Юриспруденция (с углубленным изучением китайского языка и права КНР). Есть большая уверенность,

что подобная образовательная программа станет хорошим фундаментом для выстраивания взаимных отношений и взаимодействия между двумя странами, так как подготовленные специалисты будут компетентны не только в области права РФ, но и получат достойное образование в области права Китая. В программе принимают участие не только преподаватели СПбГУ, но и ведущие специалисты КНР. Таким образом, можно видеть взаимную заинтересованность между обеими странами в изучении основ становления права и его дальнейшего развития.

Начало изучению было положено благодаря Российской Духовной Миссии. Духовная Миссия появилась в Китае вследствие военных столкновений в Приамурье, когда российских казаков, оборонявших Албазин¹, сломило многотысячное² войско императора Канси. Распространение русских на Амуре китайский император расценил как угрозу своим интересам, и маньчжурские отряды начали вторгаться в приамурские земли³. Российской стороной были предприняты несколько неудачных попыток наладить добрососедские русско-китайские отношения путем посольских миссий⁴. В итоге в 1685 г. произошла первая осада Албазина цинскими войсками, а в 1686–1687 гг. произошла вторая осада. Итогом этого противостояния стал Нерчинский договор⁵, подписанный 27 августа 1689 г. русским посольством и представителями цинского государства. Оставшихся в живых император Канси причислил к привилегированному военному сословию и включил в свою армию под названием Русской сотни. Казакам-албазинцам были выделены земли, жилье и денежные пособия. Китайцы также подарили казакам буддистский храм, который впоследствии позволили перестроить в православный храм⁶. Первой православной общине суждено было появиться на территории Китая. Приведенный в Пекин вместе с казаками-албазинцами о. Максим постоянным богослужением и проповедью более двадцати пяти лет поддерживал православную веру, привлекая к ней и китайцев. Так начался процесс ассимиляции как языковой, так и духовной.

После подписания Нерчинского договора политика Петра I была направлена на установление прочных дипломатических и торговых отношений между

¹ Первое русское поселение на Амуре, которое в 1651 г. было сформировано казачьим отрядом.

² Пятитысячному цинскому войску много месяцев оказывало сопротивление войско казаков в количестве 450 человек.

³ Восточный вектор политики Петра Великого / Гродековский музей. URL: https://hkm.ru/wp-content/uploads/2022/03/vostochnyj-vektor-politiki-petra-velikogo_compressed-1.pdf?ysclid=lkxxpr0ng4490879226 (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Посольская миссия Ф. Байкова (1654–165), И. Перфильева и С. Аблина (1658–1662), Н. Спафария (1675).

⁵ См.: Русско-китайские отношения 1689–1916 : Официальные документы, 2012. С. 9–10. Нерчинский договор позже был пересмотрен Айгунским договором (1858), затем Пекинским договором (1860). Нерчинский договор – это первый договор Китая с иностранным государством, этот договор в известной степени определил характер русско-китайских отношений вплоть до середины XIX в.

⁶ См.: Романютенко П. Как русские казаки стали китайцами и привилегированными военными императора Канси. URL: <https://travelask.ru/blog/posts/26459-kak-russkie-kazaki-stali-kitaytsami-i-privilegirovannymi-voe?ysclid=lkxwene8k2944015307> (дата обращения: 01.08.2023).

Россией и Китаем. Государь Петр I оценил присутствие в Китайской империи православной общины и в своем Указе от 18 июня 1700 г. повелел отправить двух или трех иноков, которые могли бы учиться китайскому языку и грамоте. Согласно повелению Петра I члены Миссии не должны были вмешиваться во внутренние дела Китая. Деятельность Российской Духовной Миссии в Пекине не была только лишь религиозной направленности. Она затрагивала торгово-экономические отношения, политическую, научную и культурную области⁷, была направлена на просветительскую работу, что послужило началу активного взаимодействия китайской и русской культур. Благодаря этому была открыта первая русская школа в Китае в 1708 г., последовали географические экспедиции из Петербурга в Китай.

Условно деятельность Миссии можно разделить на два этапа: первый – прибытие в Пекин в 1715 г. и до 1860 г., когда был подписан Пекинский договор между Россией и Цинской империей. После подписания договора, торговые и дипломатические представительства перешли в юрисдикцию Российской империи и закрепились за посольством в Китае. В 1864 г. Миссия официально перешла в ведение Коллегии иностранных дел Святейшего Синода⁸. Второй этап распространился с 1860 по 1917 г.

На протяжении многих лет Российская Духовная Миссия являлась центром сосредоточения научных и практических знаний во многих областях китаеведения. Большое количество ученых провели здесь долгие годы в изучении языка, письменности, религии, обычаев, истории и литературы народов Дальнего Востока⁹. Изначально созданная по религиозной направленности Миссия со временем приобрела дипломатический характер. Китай, являясь достаточно закрытым государством, не поддерживал дипломатических отношений, однако позволял присутствие на своей территории духовенства. На протяжении долгого времени Духовные миссии являлись единственным источником получения достоверных сведений о состоянии дел в Китае и государствах, граничащих с ним. Здесь же зарождалось и изучение права Китая. Зачастую по возвращению на Родину члены Миссии продолжали дело, начатое в Пекине. Особый интерес вызывало изучение истории империи Цин, время правления которой относят к середине XVII в. Постепенно цинский режим становился все более жестким, это привело к появлению в середине XVIII в. «литературной

⁷ Более подробно см.: *Новгородская Н. Ю.* Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII–XVIII в.). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pravoslavie-na-dalнем-vostoke-vypusk-i-275-letie-rossijskoj-duhovnoj-missii-v-kitae/ (дата обращения: 01.08.2023).

⁸ См.: *Сяо Юйцю 肖玉秋.* Шилунь эго дунчжэнцзяо чжубэйцзин чуаньцзяошитуань ваньхуа юй вайцзяо ходун 试论俄国东正教驻北京传教士团文化与外交活动 (К вопросу о культурной и дипломатической деятельности Русской Духовной Миссии в Пекине) // Шицзе лиши. 2005. № 6. С. 66–75. См. по: *Ли Цзинчэн* Из истории русской духовной миссии в Пекине с 1715 по 1860 годы (по китайским материалам) / *International Relations and Dialogue of Cultures*. 2016. No 5. С. 8. URL: <https://internrelat.spbstu.ru/userfiles/files/1-Li-Tszinchen.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

⁹ См.: *Боголюбов Н. М.* Православие на Дальнем Востоке. Вып. I: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pravoslavie-na-dalнем-vostoke-vypusk-i-275-letie-rossijskoj-duhovnoj-missii-v-kitae/ (дата обращения: 01.08.2023).

инквизиции», вследствие которой было уничтожено множество «неудобных» трудов. Дипломатические отношения до 1860 г. так и не развивались, и членам Миссии приходилось действовать, рассчитывая лишь на собственные силы и личные контакты. Для того чтобы отражать наиболее полную информацию об империи, члены Миссии отдавали предпочтение официальным источникам, которые без личных контактов было невозможно достать¹⁰. Среди многих официальных трудов, попавших в руки членов Миссии, были переведены¹¹: «Сводное описание империи Великая Цин», «Священные наставления» первых цинских императоров, «Описание усмирения русских», «Сводное описание восьми знамен», «Описание основания династии», «Исследование происхождения маньчжоу», «Свод законов Великой Цин» и др.¹²

Одной из наиболее успешных считается девятая Миссия, которая 18 июля 1808 г. отправилась в Пекин во главе с о. Иакинфом (Никита Бичурин). Среди его обязанностей были не только религиозная, научная и дипломатическая деятельность, но и разведывательная работа касательно экономической и военной ситуации в стране. По мере своей деятельности о. Иакинф составил первый китайско-русский словарь, который также являлся энциклопедией китайской жизни; отразил подробное описание Пекина с картами; перевел с китайского значительное количество исторических трудов; обобщил большое количество законодательного материала; обобщил материалы о религии и культуре Китая. В дальнейшем Никита Бичурин составил первую программу обучения китайскому языку и открыл китайскую школу в городе Кяхта, в которой обучались купцы, торговавшие с Китаем, и будущие переводчики¹³.

В своем обобщении законодательного материала Никита Яковлевич Бичурин обращал внимание и на уголовное законодательство. Так, основание уголовных законов было определено еще государем Шунь в 2282 г. до Р. Х. В данном законоположении были установлены конкретные наказания за совершенные преступления. Виды наказаний зависели от совершенного деяния. Преступления подразделялись на «важные» и «легкие». Предусматривались случаи снисхождения при совершении «важных» преступлений. Так же возможно было снисхождение и при совершении «легких» преступлений, что иногда могло влечь за собой смягчение наказания или его отмену. Однако при установлении умысла или рецидива даже относительно «легких» преступлений снисхождения быть не могло. Такое положение дел имело место до уничтожения феодального правления. Дом Цин для подавления недовольных монархическим правлением стал прибегать к более жестоким наказаниям, а Дом Хань, наоборот, отменял жестокие наказания для привлечения к себе подданных. В дальнейшем на протяже-

¹⁰ См.: *Доронин Б. Г.* История империи Цин в трудах членов Российской Духовной Миссии (XVIII – середина XIX в.). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pravoslavie-na-dalнем-vostoke-vypusk-i-275-letie-rossijskoj-duhovnoj-missii-v-kitae/12 (дата обращения: 01.08.2023).

¹¹ Более подробно о переведенных трудах и переводивших их авторов см.: *Доронин Б. Г.* Указ. соч.

¹² См.: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. См. по: *Доронин Б. Г.* Указ. соч.

¹³ См.: *Бичурин Н. Я.* Неизвестный Китай. Записки первого русского китаеведа. М., 2016. С. 5–8.

нии шести веков наказания переходили от одной крайности к другой, не имея четкой меры. Впервые в 381 г. по Р. Х. были установлены пять видов наказаний: «малой и большой планкою, временной и вечной ссылкой и смертью»¹⁴ – это было установлено во время правления Дома Суй.

Так, малая планка была предназначена для стыда, большая планка – для обуздания, временная ссылка – позор рабства, а вечная ссылка – это вариант снисхождения для важного преступника, приговоренного к смертной казни. Дом Суй внес еще одно нововведение – разделение наказаний по степени суровости. Наказание планкой делилось на пять степеней (от 10 до 50 ударов); наказание большой планкой на пять степеней (от 60 до 100 ударов); наказание временной ссылкой на пять степеней (от одного года до трех лет); наказание вечной ссылкой делилось на три степени (от одной до трех тысяч ли); смертная казнь делилась на две степени (удавление и отсечение головы), остальные виды были отменены. Также могли иметь место уменьшение наказания, прощение и искупление.

В дальнейшем Домом Цин было издано уложение Уголовной палаты, в котором уже появляется разделение преступников на зачинщиков и сообщников. От установления роли в преступлении зависит и степень вины, а соответственно и наказание назначается более суровое. Виды наказаний и степени суровости остаются те же. Однако временная и вечная ссылка дополняются наказанием большой планкой, которое применяется уже на месте ссылки. Также возможно дополнение наказания штемпельными знаками на лице преступника и его локтях. Смертная казнь по прошествии двух-трех лет могла быть заменена с одного вида на другой, так при назначении отсечения головы возможно применение удавления, а при назначении удавления возможна ссылка. Отдельно идет речь о преступлениях, при совершении которых преступников приговаривают к разрезанию на части и немедленному отсечению головы по окончанию судебного разбирательства. В уложении определено тринадцать преступлений с подобными наказаниями. Установлен также список из десяти важных преступлений, за совершение которых назначается смертная казнь, и лицо не подлежит помилованию. Всего в уложении определено 2759 преступлений, за совершение которых могут быть назначены пять видов наказаний.

Н. Я. Бичурин в своем труде обращается и к уголовному законодательству династии Мин, указывая на применение телесных наказаний к гражданским и военным чиновникам, однако с 1644 г. в период правления династии Цин к чиновникам уже не применяются телесные наказания. Они заменяются на вычет из жалованья и понижение в чине. И в отличие от положений династии Мин, в цинской династии чиновники могли откупаться от смертной казни и ссылки, за исключением тех преступлений, по которым смертная казнь является обязательной¹⁵.

Интересным является появление в то время такого института, как иммунитет. Уложением установлен список лиц, в отношении которых «допускается изъятие от суда», среди них: лица, отличившиеся важными военными подвигами; лица, чье поведение и образ мыслей служат примером для других; граж-

¹⁴ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 310.

¹⁵ См.: Там же. С. 311–318.

данские и военные чиновники от 1-го до 6-го класса и иные¹⁶. В случае совершения данными лицами преступления об этом необходимо было сообщить государю и только после получения указа надлежало начинать следствие. После суда дело также направлялось государю на утверждение. По преступлениям с обязательной смертной казнью исключений в подобных случаях не было. В уложении также определены иные случаи освобождения от наказания ввиду пола, болезни, возраста и по другим обстоятельствам, а также случаи отсрочки исполнения наказания. Допрос подразделяется на добровольный и путем проведения пыток. Явка с повинной является основанием для освобождения от наказания и уже тогда отличалась от добровольного признания на допросе. Определены и случаи, когда лицо не обязано было свидетельствовать против своих близких лиц¹⁷ и случаи укрывательства беглого преступника не ставились им в вину. Однако все вышеперечисленные случаи не распространялись на преступления против государственности¹⁸.

Отдельного внимания заслуживают положения о доносе. Донос считается преступлением, когда доносит младший родственник на старшего родственника, жена или наложница на мужа, родственников мужа или невольники доносят на своих господ. В подобных ситуациях доносители предаются суду даже в тех случаях, когда их донос обоснован, а обвиняемые ими избавляются от суда. Подающие жалобу могут быть подразделены на зачинщика (того, кто подал мысль о донесении жалобы и побудил к ней) и сообщника (того, кто подал иск). Для уменьшения количества ложных доносов и путаницы в показаниях земские начальники должны были назначать из народа грамотных людей (писарей) для составления жалоб. Таким образом, суд мог принять только жалобу, подписанную писарем и составленную со слов просителя, в ином случае отказывал в ее принятии. Уже тогда был известен институт подсудности дел в зависимости от их значимости. Маловажные дела мог принимать к своему рассмотрению от истцов земский начальник (окружной или уездный правитель). Он же мог принимать по подобным делам окончательное решение. Важные дела необходимо было представлять на рассмотрение областному правлению. Уложение содержало в себе и положения касательно сроков производства следственных дел. Для расследования дела, например, об убийстве отводился срок в шесть месяцев, для грабежа и разбоя – четырехмесячный срок. Такие сроки строго разграничивались по месяцам для проведения установленных уложением действий:

- три месяца по делу об убийстве отводилось земскому начальнику для того, чтобы представить дело в областное правление;
- один месяц отводился областному правлению для предоставления дела в уголовный суд;
- один месяц отводился уголовному суду для представления дела начальнику губернии;
- один месяц отводился начальнику губернии для предоставления дела в Уголовную палату и государю.

¹⁶ Здесь также имеются в виду родители указанного лица, его бабушки и дедушки, сыновья, внуки и жена.

¹⁷ Близкие лица подробно перечислены в уложении.

¹⁸ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 319–322.

В случае невозможности уложиться в указанные сроки имелась возможность ходатайствовать перед государем о продлении срока¹⁹.

Также уголовным законодательством того времени предусматривалось учреждение каждые пять лет комиссии при Уголовной палате для краткого пересмотра законов, а каждые десять лет для полного пересмотра и исправления законов. Сверялись старые и новые постановления, указы и одобренные палатой положения для выявления противоречий и замены новыми статьями старых положений. Краткое исправление возможно было провести в десятимесячный срок, а для полного устанавливался срок в один год. Вновь введенные постановления представлялись на утверждение государю и уже после утверждения обнародовались. Как считали законодотворцы того времени: «Законы положительно определяют меру вины, а постановления по стечению обстоятельств, смягчают или увеличивают оную и потому считаются только пополнением законов»²⁰.

Учитывая все вышеизложенное, мы видим, насколько разработанным для того времени было уголовное законодательство. И даже отсутствие разделения на уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право не умаляет достижений того времени, так как достаточно полно и многогранно охватываются различные институты указанных отраслей. Если обратиться к первоисточникам норм права, культуре, обычаям, религии, станет понятна логика современного китайского законодателя.

За весь период существования Российской Духовной Миссии был выполнен колоссальный объем работы. Многие труды членов Миссии в области истории империи Цин не только привлекали внимание ученых того времени, но и являются востребованными и актуальными на сегодняшний день. Стоит заметить, что труды Российской Духовной Миссии использовались и зарубежными странами для изучения права Китая, его истории, религии и культуры.

К сожалению, большая часть трудов Миссии находится в архивах и недоступна изучающим Китай, а то, что опубликовано, сложно найти в открытом доступе. Также затруднение в изучении права Китая заключается и в закрытом характере многих источников права, которые до сих пор не были переведены. Благодаря трудам Российской Духовной Миссии были заложены основы отечественного китаеведения, значительное количество блестящих ученых представили свои труды, первым среди которых был о. Иакинф. Что касается изучения истории Китая, затрагивающей более ранние периоды развития, то отечественное китаеведение обратило на это внимание несколько позднее.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Захаренкова В. В., ассистент кафедры уголовного процесса
и криминалистики*

*Saint Petersburg State University
Zakharenkova V. V., Assistant of the Criminal Procedure
and Criminalistics Department
E-mail: e.okladnikova@spbu.ru*

¹⁹ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 324–325.

²⁰ Там же. С. 326.